

ГОДЪ

ПЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3.

ПРИ

1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Миниховы кондиціи съ Русскимъ правительствомъ 1721 и 1727 годовъ.
2. Диспозиція и церемоніаль въѣзда императрицы Анны въ С. Петербургъ въ 1732 году.
3. 23 письма императрицы *Екатерины II* къ И. О. Глѣбову, съ приложеніями. 1767.
4. О говѣніи чиновниковъ въ великій постъ (1789).
5. Собственноручные замѣтки *А. П. Ермолова* объ его молодости.
6. Очеркъ жизни гр. Д. П. Бутурлина, статья гр. *М. Д. Бутурлина*.
7. Незданная басня *И. А. Крылова*: Пестрыя Овцы.
8. Изъ записной книжки *П. М. Языкова* (огр. *Е. Ф. Каняринъ*).
9. Сыскное дѣло о походѣ въ Хиву, 1697 г.
10. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву 1839 года, *В. И. Далъ*.
11. Изъ бумагъ о графѣ Сперанскомъ (сообщено *барономъ М. А. Корфомъ*.)
12. Письма *Н. М. Карамзина* къ *Е. О. Муравьевой*.
13. Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ *М. Н. Лоннинова*.
14. Новыя бумаги для біографіи герцога Бирона (сообщено *С. М. Соловьевымъ*.)
15. Шуточное письмо *Н. В. Гоголл*.
16. Замѣтка о родѣ Шепелевыхъ, г. *Дмоховскаго*.
17. Два слова о бібліотекѣ гр. Д. П. Бутурлина, *С. А. Соболевскаго*.

МОСКВА.

Въ типографіи Т. Ризъ у Мясницкихъ воротъ, д. Воейковой.

1867.

башень, а владѣлецъ де ихъ Самангульханъ; города де и уѣзды подь нимъ много, а воинскихъ людей у него тысячъ съ четыреста и слывуть де они Кокутаны, люди де руководѣльные, торговые, а не воисты; и мелкаго огнениаго оружія много, зелье де и свинець дѣлають сами, а боевыхъ пушекъ, по сажени, будетъ съ пятьдесятъ; а воздухъ и воды у нихъ не здоровы, тлетворны, вѣтры часто бываютъ. Отъ Большой Бухаріи переправяся Аму-Даря рѣку, коя подь Бухарією и подь Хивинскими жилищами до города Хивы, Хивинскими городами и кочевьями ходу пятнадцать дней, а межъ городовъ степь песчаная и водъ много, да не здоровы. А городъ Хива меньше Бухаріи, а строеніемъ такого же, а въ подданствѣ де къ Хивѣ постороннихъ городовъ много, а люди де невоисты, руководѣльны; ружье и зелье дѣлають сами, а пушекъ де у нихъ не видали, а боярь де называютъ они Аталъскими, служилыхъ людей Узбеками, крестьянъ Райатами, а родъ де ихъ Аральцы, Гурленцы, Трухменцы. Да отъ Тобольска жъ де по дорогамъ слободскихъ жителей многихъ вѣдомцевъ и бывальцевъ пристойная де дорога вешняго пути въ Казачью орду слободами въ верхъ по Тоболу рѣкѣ, чрезъ многія рѣчки Тобольскимъ уѣздомъ до Торханскаго острогу 100 верстъ, отъ Торханскаго острога до Ялуторовской слободы 30 верстъ, отъ Ялуторовской до Суерской слободы 30 верстъ, отъ Суерской до Усть-Суерской 20 верстъ, отъ Усть-Суерской до Бѣлозерской 25 верстъ, отъ Бѣлозерской до Иковской 15 верстъ, отъ Иковской до Царева Городища 20 верстъ, съ Городища до Утяцкой 20 верстъ, отъ Утяцкой до Камыцкой 40 верстъ. И отъ тѣхъ верхнихъ Тобольскихъ слободъ съ Царева Городища и изъ Утяцкой и Камыцкой черезъ степь до Ишима ходу приходною Ордынскою дорогою 5 дней и степь равная, горь нѣтъ, людямъ и скоту кормно. И переправяся Ишимъ-рѣку ходу большою лукою, прозваніемъ Улутагой, ходу до Каменнаго Брода 5 дней, и перебрѣвши по тѣмъ же вышесказаннымъ урочищамъ до Туркестана ходу по дорогѣ Туркестанской, что писано выше сего.

И по тѣмъ ихъ сказкамъ велѣли мы, холопи твои, сдѣлать чертежъ на Бухарской бязи⁽⁴⁾ и рѣки урочища и дороги и города на томъ чертежѣ подписаны именномъ, и тотъ чертежъ послали къ тебѣ, великому государю, мы, холопи твои, Тобольскаго уѣзда слободскихъ бѣломѣстныхъ казаковъ съ сотникомъ съ Фодотомъ Матигоровымъ, да съ татаринномъ Стеушкомъ Мерченемъ; а приѣхавъ къ Москвѣ велѣли имъ явиться и отписку и чертежъ подать въ Сибирскомъ Приказѣ боярину князю Ивану Борисовичу Репнину съ товарищи.

(Выписано изъ Архива Министерства Юстиціи. Сообщено П. В. Калачовымъ).

ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ

изъ похода въ Хиву.

Походъ въ Хиву, предпринятый въ 1839 и 1840 годахъ, по мысли и подь предводительствомъ Оренбургскаго военнаго генераль-губернатора (гр.) Василія Алексѣевича Перовскаго, для обузданія хищныхъ Хивинцевъ, безпокоившихъ тамошніе предѣлы Россіи, — почти вовсе у насъ не извѣстенъ. О немъ долго ходили темныя слухи, и не упоминалось ни единымъ словомъ въ Русской, всѣмъ доступной, печати. Только въ 1860 году, въ Чтеніяхъ общ. ист. и др. при имп. Моск. унив. (кн. I, стр. 147—166), появилось, сколько мы знаемъ, первое печатное извѣстіе объ этомъ достопамятномъ походѣ, въ статьѣ подь заглавіемъ *Военное предпріятіе противу Хивы*. Статья эта очевидно составлена по бумагамъ подлиннымъ и содержитъ въ себѣ сжатое, но точное и дѣльное изложеніе всего хода дѣлъ. Цѣлью предпріятія, начатаго подь видомъ посланки ученой экспедиціи къ Аральскому морю, было «смирить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ Байсацкимъ, упрочить по возможности порядокъ, освободить всѣхъ плѣнныхъ, дать полную свободу торговлѣ нашей» На издержки

(4) Бязь—бумажная ткань, бумажный холстъ.

отпущено 1,698,000 асс. и 12 т. червонныхъ. Въ походѣ участвовало 4 генерала, 14 штабъ-офицеровъ, и около 5,000 низшихъ чиновъ. Всѣ приготавительныя распоряженія отличались предусмотрительностью и надежностью, и однако шестимѣсячный походъ этотъ не удался въ томъ смыслѣ, что войска не достигли самой Хивы и принуждены были двинуться обратно вслѣдствіе чрезвычайныхъ снѣговъ и стужи, которая господствовала ту зиму: видно, замѣчаніе, что Русскіе всюду съ собою приносятъ холодъ, и тутъ оправдалось. Тѣмъ не менѣе цѣль предиріятія была достигнута: напуганный рѣшительными мѣрами нашего правительства Хивинскій ханъ Аллакулъ, въ Августѣ того же 1840 г. выслалъ въ Оренбургъ долгое время томившихся у него въ плѣну и теперь одаренныхъ имъ около 500 человекъ Русскихъ; мало того, онъ разослалъ фирманъ съ строгимъ запрещеніемъ брать или покупать Русскихъ и вредить чѣмъ либо Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ Русскій купецъ Деевъ возобновилъ безпрепятственную торговлю съ Хивою. Такимъ образомъ не представлялось болѣе нужды предпринимать вторичный поискъ на Хиву, къ коему было готовились въ Оренбургѣ.

Мужество въ перенесеніи тяжкихъ лишеній и бѣдствій, коими ознаменовался Хивинскій походъ, составляетъ славу Русскаго имени, и мы искренно радуемся, что счастливый случай далъ намъ возможность познакомить читателей Русскаго Архива съ живыми подробностями этого смѣлаго и необыкновеннаго, по всей обстановкѣ своей, предиріятія. У одного изъ участниковъ похода, нашего извѣстнаго писателя (бывшаго въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при В. А. Перовскомъ), *Владимира Ивановича Дала*, отыскалась снимочная тетрадь тонкой Китайской бумаги, на которой (по способу, дающему два подлинника вдругъ) сухими чернилами отпечатлѣлись письма, посланныя имъ съ похода, къ роднымъ и знакомымъ. Приносимъ нашу благодарность многоуважаемому В. И. Далю за дозволеніе напечатать нижеслѣдующія выдержки изъ этой тетради.

II. Б.

I.

*Рѣка Илекъ, въ Зауральской степи,
1839 г. Ноября 25-го.*

Не ждали вы отъ меня письма, и всего менѣе, можетъ, думали вечеромъ 25-го Ноября, что я сижу почти на открытомъ воздухѣ, въ кошомной кибиткѣ, при маленькомъ огонькѣ, въ кругу шести добрыхъ товарищей, на морозѣ, и пишу къ вамъ. Мы вышли въ походъ, идемъ войной и грозой на Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку, какъ названа она была въ приказѣ по корпусу. Путь далекъ, 1500 верстъ, идемъ зимою, и третьяго дня было 29^о морозу; весь отрядъ верхомъ, всѣ на коняхъ, вьюки на верблюдахъ, ихъ до 12 тысячъ. Метемъ бураномъ по степямъ и въ Генварѣ должны быть на мѣстѣ. А когда воротитесь, спросите вы, по сродному вамъ добродушію и состраданію?—Знаемъ, когда вышли, а именно 17 Ноября, а воротившись скажемъ вамъ, когда воротились. Холоду мы не боимся; говоримъ это не изъ хвастовства, а по опыту; взгляните только на насъ, и вы убѣдитесь, что мы не хвастаемъ. Стеганные, на верблюжей шерсти, куртки и архалуки, платье разнаго рода на лебжьемъ пуху, верхнее платье изъ шкуръ молодыхъ жеребятъ, или оленьи, сибирскіе совики, киргизскіе дахи и ергакки; рукавицы и чулки козьяго пуху, изъ коего порядочные люди ткутъ столь извѣстныя вамъ кашемирскія шали,—словомъ, все запасено, припасено, и несчастные стужа, холодъ, морозъ, словомъ, вся зима, не знаетъ, съ котораго краю приступить. Не удивляйтесь этимъ кривымъ строкамъ: сердце пишетъ прямо, но морозъ-снѣговичъ беретъ свое, шаршавитъ по своему, а онъ у насъ, какъ видите, толмачемъ. Сидимъ на корточкахъ, въ теплыхъ кофточкахъ и совицахъ; писать не совсѣмъ ловко. Нужды нѣтъ: когда нибудь на досугѣ разберете. Вы скажете: Ахъ, Боже мой, какія страсти! за 1500 верстъ, верхомъ, зимой—и прочее, и прочее. Ну, изволите видѣть, съромъ въ маслѣ мы конечно не катаемся, равнымъ образомъ не лезя чтобы не было въ такомъ

огромномъ отрядѣ безъ разныхъ беспорядковъ, недостатка, нужды — ну придемъ домой и отдохнемъ, будемъ рассказывать ребятишкамъ своимъ и добрымъ пріятелямъ о походе своихъ и примѣчаніяхъ. Начинаютъ сей часъ разливать чай, а у насъ сегодня дневка — позвольте мнѣ сперва *намиться водой*, какъ говорятъ моряки, а потомъ стану продолжать.

Пенель отъ пылающаго костра завалилъ до того писаніе мое, что у меня едва достало духу (т. е. *Atmen*) отдуться отъ этой неумѣстной присылки. Зорю пробіали, все улеглось, потому что все устало, только часовые переключаются вокругъ нашего стана, и верблюды изрѣдка протяжно рычатъ. Опишу вамъ, отъ нечего дѣлать, артель нашу, нашъ *кошигъ*, какъ его технически называютъ. Насъ въ одной кибиткѣ, по четыре шага во всѣ четыре стороны (размѣръ вѣренъ, но кибитка кругла) насъ лежитъ, на одномъ и томъ же войлокѣ, семь человекъ. Былъ осьмой, академикъ *Штермбергъ*, художникъ душой и тѣломъ, милый малый, о которомъ мы всѣ очень жалѣемъ — но онъ, присоединившись къ нашему походу волонтеромъ, побылъ съ нами только три дня, и, раздумавъ дѣло еще во время, воротился. Онъ ѣдетъ въ Питеръ и потомъ вѣроятно въ Италію, гдѣ, говорятъ, нѣсколько теплѣе... Позвольте отогрѣть пальцы на огнѣ... Первый товарищъ нашъ и сожигатель *Чихачевъ*, путешественникъ по званію и призванію, *ein Reisender von Profession*, молодецъ, красавецъ, говоритъ на всѣхъ языкахъ какъ на своемъ, бывалъ въ Германіи и въ Испаніи, въ Алжирѣ, въ Мексикѣ, но не бывалъ еще въ Хивѣ и потому отправляется туда съ нами при сей *вѣрной оказіи*. Онъ говоритъ и распѣваетъ весь день Персидскіе стихи и прозу съ муллой нашимъ и съ переводчикомъ и этимъ бѣситъ втораго нашего товарища, естественнаго испытателя *Лемана*. Докторъ *Мобицъ*, который только по временамъ пытается войти въ число избранныхъ и пріютиться въ братскомъ и веселомъ теремѣ нашемъ, докторъ обыкновенно беретъ опять подъ мышку одинокую постель свою, состоящую изъ одной плохой кошомки или войлока, и отправляетъ

ся въ одинокую кибитченку, гдѣ аптечная ступка съ пестикомъ обязаны принять на себя временно должность его товарища. Какъ быть, дѣло походное! Последній товарищъ нашъ такой же чиновникъ какъ и я, съ тѣмъ только различіемъ, что у него совикъ (Самоѣдская оленья рубаха) изъ стараго, лѣтняго оленя, а у меня изъ лучшаго зимняго молодого сосунка, и еще подбить лисой! Не повѣрите, что за раздолье такой кафтанъ, или салопъ, что ваши печи... Позвольте только правую руку отогрѣть, на лѣвой славная рукавица... Вотъ такъ... Пенель этотъ мнѣ очень надоѣдаетъ... Вообразите теперь палаточку, въ которой съ трудомъ только помѣщаются три человека, посадите туда или натолкайте ее биткомъ семью человекъ, живыми, вотъ какъ мы съ вами, одѣньте эти семь человекъ самымъ причудливымъ образомъ, Лапландцами, Самоѣдами, Алеутами, Киргизами, полу-Черкесами, полу-Калмыками, полу-Башкирами, полу-все что угодно, право всякаго рода и наряду найдется въ одеждѣ нашей по клочку... — вообразите все это, и вы видѣте насъ. Прислушайтесь, и вы услышите Англійскій, Испанскій, Нѣмецкій и Французскій языки, Малоросійскія, Персидскія и Русскія пѣсни, Татарскій говоръ, а подаѣ, въ двухъ шагахъ, рычатъ скучные и жалкіе верблюды. Загляните, и вы увидите на рѣшеткѣ кибитки Черкесскую пашку, Испанскій, Толеданскій палаши, казачью саблю, Персидскій, Индѣйскій, Турецкій кинжалъ; увидите сотни предметовъ скомканыхъ какъ въ мѣшкѣ, которымъ, для васъ, нѣтъ названья, потому что вы ихъ не видывали и не знаете, хотя мы здѣсь не можемъ безъ нихъ обойтись. Положимъ, вы поймете, если я скажу, что тутъ стоитъ котелокъ, таганъ, баклашка, но что вамъ въ томъ, если я скажу, что тутъ навалены торсуки, сабѣ, треноги, курджуны⁽¹⁾, и проч.? А между тѣмъ это наше хозяйство... Позвольте мнѣ теперь поворотиться на другой бокъ, у меня спереди Покровъ, а сзади Рождество, т. е. тутъ огонь, а тамъ морозъ... Хотите ли теперь взгля-

(1) Переметная сума.

нута среди дня на караванъ нашъ? Вообразите снѣжную степь, по которой видимо-невидимо, сколько глазъ займетъ во всѣ стороны, все верблюды съ огромными выюками, гора горой, все выюки и верблюды, а по сторонамъ прикрытіе: казаки, артиллерія и пѣхота... На этомъ словѣ вчера остановился. Сегодня, 26-е, въ воскресенье опять дневка; мы сошлиеь тутъ, всѣ четыре отряда вмѣстѣ, и теперь пойдемъ въ полномъ составѣ, дружно и густо, чтобы никто не могъ обидѣть, чтобы быть сильнѣе всякой силы кромѣ Божьей, на которую душой и сердцемъ уповаемъ. Онъ выведетъ насъ отсюда черезъ 7, 8 мѣсяцевъ, или скорѣе, коли Ему угодно, и мы заживемъ опять новою жизнью, вдвое оцѣнимъ домашній бытъ и домашнее благо свое.

II.

5 Декабря 1859. Биштамакъ.

Сегодня 6 Дек., большой и благодатный праздникъ: мы справляемъ его на Биштамакъ, верстахъ въ 270 отъ Оренбурга; слѣдов. шестую долю пути своего кончили, прошли, и прошли благополучно. Скажу вамъ, милые мои, съ тѣмъ чтобы это осталось между нами, что у насъ нынѣ 31½ градусовъ, и что порядочный морозецъ, какъ говорятъ Уральцы, прохватываетъ ровно огнемъ. Впрочемъ, по совѣсти, мы еще ни разу не зябли, и въ цѣломъ отрядѣ нѣтъ ни одного человѣка съ ознобами, за исключеніемъ одного старика Киргиза. Больныхъ, коихъ болѣзнь можно бы приписать походу, также нѣтъ; простудныя и другія случайныя болѣзни и нѣсколько вновь открывшихся хроническихъ. Сижу и пишу теперь въ кибиткѣ, въ общей нашей такъ называемой каютѣ-компани, и пишу при 30° слишкомъ морозу, безъ перчатокъ, и руки ничуть не зябнутъ: у насъ желѣзная печь. Путемъ доселѣ всегда было сѣно и дрова. Сѣно покупали у Кайсаковъ, которые по Илеку удивительно много накопиди сѣна; дрова мѣстами тальникъ и другой кустарникъ, а въ помощь ему и кизечекъ, коими насъ также иногда снабжали аулы. Впро-

чемъ, въ такую бѣду, какъ сегодня, горитъ все, даже свѣжій навозъ изъ подъ верблюдовъ; этому въ городѣ трудно повѣрить. Посадилъ бы я еще прихотливаго жителя городского въ нашу кибитку, такого, которому дуетъ и несетъ изо всякаго угла и окна, и прихотли бы исчезли. Спасительное дѣло для насъ, что В. А. (²) завелъ на свой счетъ общественную трапезу и большую кибитку, въ которой всегда огонекъ: безъ этого мы бы замерзали каждый по одиночкѣ въ своемъ углу, потому что невозможно на каждаго отдѣльно заготовить дровами, и нельзя было бы даже ставить для каждаго по одиночкѣ чай. Кайсаки въ походахъ и поѣздкахъ своихъ всегда раздѣваются на ночь до пага: они увѣряютъ, что это гораздо теплѣе, если только хорошо завернуться и укрыться. Я доселѣ, въ продолженіи 19-ти ночей, только два раза не раздѣвался; я нахожу, что дѣйствительно раздѣвшись гораздо теплѣе, и сегодня напр., при этой стужѣ, я спалъ въ мѣшкѣ своемъ, накрывшись тулупомъ и кошмой, какъ у Бога за пазухой. Конечно тамъ, гдѣ и ночамъ могутъ быть внезапныя тревоги, это не удобно: тамъ раздѣваться нельзя. Признаюсь, я никогда не думалъ, что, одѣвшись хорошо, можно до такой степени хорошо переносить такую стужу; я, увѣряю васъ, не зябъ еще ни разу. Ночью въ ютламахъ (кибиткѣ нашей) никогда не горитъ огонь, а шесть человѣкъ грѣютъ другъ друга прекрасно. Вотъ вамъ цѣлая страница о холодѣ, о морозѣ, о теплѣ, объ огнѣ и прочее. Поговоримъ о другой, не менѣе важной, статьѣ: это обѣды, чай и проч. Мы выступаемъ каждый день съ разсвѣтомъ, иногда немножко прежде; становимся въ 2 часа, потому что дни коротки, а скотинѣ, и въ особенности верблюдамъ, которые ночью не ѣдятъ, надо покушать. Такимъ образомъ, прошедши 15—25 верстъ, распускаемъ верблюдовъ и лошадей на тебеневку; верблюды наѣдаются въ 1½, 2 часа, потомъ ихъ пригоняютъ и укладываютъ на кошмы, расчистивъ напередъ снѣгъ; коны

(²) Эти буквы (здѣсь и вездѣ ниже) означаютъ (гр.) В. А. Перовскаго.

остаются на всю ночь въ полѣ: лошадь не жуется жвачки и потому не можетъ паѣдать-ся въ такое короткое время. Между тѣмъ, какъ только пришли мы на мѣсто, раскидываютъ живо двѣ кибитки, генеральскую и вертешъ, какъ мы его называемъ, каютъ-компанию, или общественную: ставятъ самоваръ, паливаютъ чай и завариваютъ сбитень; мы грѣмся и пьемъ, между тѣмъ, часамъ къ семи или восьми, поспѣваетъ обѣдъ: щи, супъ и другое блюдо—каша, или капуста, селянка, баранина, говядина, а иногда, какъ вчера и третьяго дня, жеребятинка, которая, мимоходомъ сказать, очень хороша, какъ самая лучшая, кормленная мягкая говядина. Пообѣдавши принимаемся опять за чай да за сбитень; у кого есть дѣло, бѣгаетъ, хлопочетъ по отряду и прибѣжавши въ сборную нашу хлопываетъ рукавицами и кричитъ: чаю, сбитню! Часовъ въ 8, а много въ 9, все залегло уже спать. Встаютъ въ 3 часа: весь лагерь просыпается, начинается крикъ; шумъ, бѣготня, кови ржутъ, верблюды рычатъ; это бываетъ вслѣдъ за генераль-маршемъ, въ 3 часа; въ 6 барабанъ бьетъ сборъ, вьютъ, сымаютъ кибитки и выходятъ, напившись разумѣется чаю, и нахлебавшись жиденькой кашинцы. Такъ тянемъ мы день за день, время уходитъ, — и скоро, скоро пролетятъ не только эти полгода, но и много другихъ полугодовъ и годовъ....

Надобно вамъ однако же рассказать плачевную и неприятную продѣлку: на дняхъ у насъ одного солдата разстрѣляли. Какъ быть! онъ ушелъ съ часовъ, покинувъ ружье, потомъ бѣжалъ, укралъ другое ружье, и пр. Время военное, опасное, пѣхота чрезмѣрно избалована, необходимо было показать примѣръ, для острастки. Къ счастью, такъ по крайней мѣрѣ я сужу по своимъ чувствамъ, казенный бѣднякъ былъ дотога глушъ и тушъ, что по видимому вся ужасная церемонія эта, приращеніе и отпѣваніе за-живо, не сдѣлала на него никакого впечатлѣнія; — а смерть всякая одинакова, и скорая смерть лучше медленной и томительной. Во всякомъ случаѣ не лзя было не показать виноватаго тѣлесно, и такъ, что онъ бы можетъ быть на всегда быть калѣкою, а можетъ быть и

умеръ бы; по этому—спокойной ему ночи и благодатнаго утра!

Маркитантъ нашъ, Зайчиковъ, или Деевъ взялъ съ собою пару добрыхъ собакъ, и мы уже затравили шесть лисицъ и волка. Для пережѣлы и это забава. Леманъ очень прилежно ловитъ мышей. Ханыковъ спитъ отлично хорошо и запылъ постоянное мѣсто въ каютъ-компаніи противъ печки; одѣтъ онъ въ огромный, мохнатый совикъ свой и лѣтнюю легонькую шапочку на кожѣ: онъ не можетъ одѣвать тепло голову. Я постоянно одѣваюсь въ стеганную куртку и шаровары, или въ лебяжью, а сверху совикъ Штерберга и шапку, столь извѣстную, изъ бѣляка (тюленя), которая, помните?—надѣвается отъ маковки и по самыя плеча. Говоря о болѣзняхъ, забылъ я упомянуть, что у насъ было уже человѣкъ шесть большихъ Сибирской язвой, не смотря на морозъ; человѣка два умерли. Страшная, непонятная болѣзнь, и странно, что она открылась теперь, въ такую жестокою стужу! Всѣ тѣ, которые пришли во время и можно было хорошо вырѣзать язву, остались живы.

Сей часъ всѣ пошла на молебствіе, 10 часовъ утра, а я остался, потому что надобно еще написать кой какія бумаги... Сижу въ теплой кибиткѣ В. А., гдѣ стоитъ большая кухонная печь, и сижу тепло: въ кибиткѣ этой теперь на полу 15°, на столѣ 4°, а на вышину головы 22°. В. А. теперь здоровъ; у него было разболѣлись глаза, и признаюсь, я за него боялся: какая возможность пользоваться ихъ при такихъ обстоятельствахъ? Теперь, отъ стужи виѣ и жару внутри кибитки, у него высыпало и обметало лицо, и вслѣдъ за тѣмъ глазамъ стало гораздо легче. Было у насъ нѣсколько человѣкъ больныхъ жабою, *angina tonsillaris*, по омеопатіи, приемъ белладоны, устранила болѣзнь каждый разъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Сегодня у насъ походный обѣдъ великолѣпный—четыре кушанья, шампанское и проч. Между тѣмъ все таки обѣдаемъ, какъ и прежде, стоя и походя, въ деревянныхъ чашкахъ, кто гдѣ и какъ умудрится. Къ вечеру будетъ обильная либация и пуншация, по русски: благородная по-

пойка, въ общемъ собраніи, за здравіе Царя, за котораго идемъ драться. Прощайте.

III.

Декабря 8-го 1839 г. 12 верстъ отъ Биштамака.

Здравствуйте еще разъ. Пишу на скучной и невольной дневкѣ, послѣ жестокой стужи, которую всѣ мы перенесли удивительно хорошо, потому что право даже почти не зябли; принуждены были сегодня остановиться и простояли сложа руки цѣлый день: бурань; мететь такъ, что свѣту Божьяго не видно, и притомъ — 22°, слѣдовательно идти невозможно; а я, стоя на колѣняхъ, какъ провинившійся школьникъ, пишу въ теплой кибиткѣ В. А. и могу писать не отогрѣвая рукъ, потому что висящій предо мною теплоѣбрь показываетъ 3. Это уже такъ тепло, что изъ рукъ вонь! Небо пасмурное, солнце плаваетъ въ какомъ-то полупрозрачномъ сумракѣ, блѣдное, не окраенное; кони стоятъ въ мерзлыхъ кожаныхъ попонахъ какъ въ латахъ, повѣсили головы и ждуть овсеца, гривы сбиты въ ледяныя сосульки, ключья снѣгу покрываютъ хребетъ; верблюды лежатъ какъ мертвые на подстилкахъ своихъ, одинъ подлѣ одного, какъ тюки, какъ огромные связки или чемоданы, жуютъ и пережевываютъ вчерашнее, а сегодня Богъ дастъ! Нельзя было даже выгнать ихъ на тебеневку: бурань, того и гляди, загонитъ ихъ Богъ вѣсть куда, да и вѣсть не стануть, а столпяся въ кучу и пойдуть по вѣтру. Все поле укрыто шатрами, запыренными бѣлымъ снѣгомъ; дымокъ вырывается тутъ и тамъ изъ боковой щелки между кошмъ, и вихорь уноситъ его и мгновенно развѣваетъ, какъ глотокъ табачнаго дыму, пущенный на вѣтеръ. Тутъ и тамъ поднимаютъ верблюда со спокойнаго ложа его; мохнатый Кайсакъ взгроможивается самъ-другъ на четвероногий горбъ этотъ и отправляется за кустарникомъ, за бурьяномъ;—верблюдъ жалобно рычитъ и просится въ свою спаленку, т. е. на кошму; казаки и солдаты, должностные, бѣгаютъ закутанные съ ногъ до головы, мелькаютъ между кибитокъ и похлопываютъ

махнушками своими, рука объ руку. Уралецъ глядитъ молодцомъ, отвѣчаетъ, если спросите холодно ли, «небольшо морозно, ваше бл-діе, терпѣть можно». Жалкій служивый линейныхъ баталіоновъ глядитъ, съ позволенія сказать, бабой: наушники, набобникъ и налицникъ его обмерзли кругомъ цѣлою бахромою сосулекъ. Въ двухъ мѣстахъ въ эту минуту раздаются пѣсни; вплоть у кибитки, гдѣ я пишу, поютъ штабные господа наши въ буфетѣ или каютъ-компаніи, поютъ разладицей и каждый свое, — а тамъ подалеже, человекъ двѣнадцать Уральцевъ затягиваютъ согласно: «Охъ ты милый мой, миль сердечный другъ». Вотъ вамъ весь бытъ нашъ: пусть Штернбергъ, измѣнникъ, его нарисуетъ. Чтобы согрѣть маленько воображеніе ваше, скажу еще, что вчера прибыли на Биштамакъ къ намъ 50 дровней съ дровами изъ Орска, а сегодня часть дровянаго транспорта, посланнаго въ логонку изъ Илецка. Всего ихъ до 500 верблюдовъ; но караванъ подѣ командой извѣстнаго Грозненскаго батыря, Оренбургскаго войска хорунжаго Петрова. Это тотъ самый, который сидѣлъ недѣли двѣ на гауптвахтѣ за то, что неловко или неосторожно, какъ самъ онъ говоритъ, неосторожно снялъ съ лошади одного строптиваго Киргизскаго старшину, сломивъ ему руку и ногу. Но караванъ, сказалъ я, сбился и запутался ночью, когда его захватилъ бурань, и прибываетъ сегодня по частямъ. На Биштамакъ было сѣна довольно; здѣсь также, и мы уже запасаемся дней на 12—14, до Эмбскаго укрѣпленія. Невыгода наша, въ сравненіи съ купеческими караванами, велика: въ караванѣ всякій хозяинъ идетъ съ верблюдами своими, бережетъ ихъ, хлѣтъ, разгребаетъ подъ ними снѣгъ, подстилаетъ имъ кошмы; всякій выходитъ какъ успѣлъ навьючить, не дожидаясь никого; а у насъ солдатъ говорить: чортъ дери верблюда, былъ бы живъ я! И не смотря ни на какой присмотръ, верблюды иногда терпятъ безъ нужды горе, колѣютъ и гибнуть. У насъ идутъ военнымъ порядкомъ: правая колонна, лѣвая колонна, въ срединѣ паркъ, артиллерія, штабъ, авангардъ, арьергардъ, который подбираетъ отсталыхъ, и все это

должно сняться вдругъ, а вычнется исподволь: верблюды лежатъ завьюченные часа по три и ожидаютъ неготовыхъ, а это тяжело. Сверхъ того, караваны мѣняють усталыхъ верблюдовъ на пути и размѣнивають ихъ на обратномъ слѣдованіи. Всего этого намъ нельзя дѣлать, и не смотря на все это, мы придемъ благополучно, сдѣлаемъ что приказано и воротимся къ своимъ. Всякій изъ насъ убѣжденъ въ необходимости и въ пользѣ этой мѣры, что крайность заставила правительство наше поднять на этихъ воровъ копье и штыкъ; всякій идетъ охотно, не только по долгу, но и по убѣжденію.

Шесть часовъ. Быють зорю. Свѣтъ хруститъ за кибиткой. Буранъ стихаетъ. Я выглянулъ за двери и велѣлъ ставить чай, и пожалѣлъ, что Штернберга нѣтъ съ нами. Лунный свѣтъ сверху, зарево огнемъ снизу, а въ срединѣ лазоревая тьма. На землѣ кипить еще кровь наша, выше земли тьма, для насъ непроницаемая, еще выше свѣтъ, а какой, можно только иногда догадываться, когда душа безотчетно къ нему стремится и его пугается. Но какая это догадка? Догадка слѣпаго о цвѣтѣ молока, по разсказу поводатаря, что оно походитъ цвѣтомъ на гуся, котораго слѣпой также знаетъ только ощущавъ руку поводатаря, согнутую клюкой для изображения гуся!... Хозяйство мое не слишкомъ озабочиваетъ и беспокоитъ меня... Вообще слава Богу, все идетъ довольно дружно, живутъ большею частью по людски, а это, ей Богу, не бездѣлица. Мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ, и грызться, коситься и отплеиваться тѣсно. Заканчиваю на сегодня, въ другой разъ болѣе; тѣсно, и генераль *Молоствовъ* пришелъ, совѣстно занимать у него мѣсто, а я пишу на его кровати.

Продолжаю 9 Дек. Сидимъ вокругъ огонька. Чихачевъ разсказываетъ, какъ онъ, близъ Квито, въ Коломбін, долженъ былъ проходить каждый разъ черезъ экваторъ, чтобы спросить стаканъ воды, т. е. черезъ черту, которую *Lacordamine* ⁽³⁾ провелъ. В. А. также вошелъ сей часъ и забавлялся долго, слушая громкіе споры веселой братіи, ко-

торая его не замѣчала. Благородный, душевно уважаемый мною Молоствовъ, который теперь командуетъ нашей колонной, сидитъ, насунувъ мягкую казачью шапку на брови и дремлетъ, сей часъ спѣлъ онъ намъ солдатскую пѣсню и затахъ: онъ сердечный усталъ, проработавъ весь день. Чихачевъ сдѣланъ попечителемъ госпиталя. Я по крайней мѣрѣ числюсь секретаремъ и гофмаршаломъ. Одинъ Ханьковъ благоденствуетъ въ бездѣйствіи, постоянно засѣдаетъ въ огромномъ совикѣ своемъ и въ лѣтней фураженкѣ предъ огонькомъ, на стулѣ, на первомъ мѣстѣ, и не встаетъ ни въ какомъ случаѣ съ мѣста, чтобы его не заняли, а зоветь Курумбая, который въ цѣломъ отрядѣ вошелъ уже въ половицу. Разговоръ идетъ объ акцизѣ, откупѣ, налогахъ, монополіи.

10-го Декабря. Сегодня выпли въ $\frac{1}{2}$ 5-го и пришли на мѣсто рано, въ $\frac{1}{2}$ 11-го, на рѣчку Таласъ-бай, которая течетъ омутами, пропадаетъ подъ землей и снова выходитъ. Это одинъ изъ пяти притоковъ р. Илека, который составляетъ у Бишь-тамака пятью рѣчками. Бишь-тамакъ значитъ *пять устьевъ*. Сегодня утромъ было болѣе 30°, теперь 28°; при всемъ томъ, слава Богу, мы не зябнемъ. Сижу теперь у желѣзной печи въ каютѣ-кампаніи, пишу на стулѣ, стоя на козлѣнкахъ. До Эмбы осталось намъ 6—8 дней ходу, потомъ до Усть-Урта двѣ недѣли, по Теть-Урту столько же — и пришли! Надобно же мадѣяться, что жестокіе морозы прекратятся, и погода установится потеплѣе. Я, откровенно говоря, самъ удивляюсь, что все это намъ такъ хорошо съ рукъ сходитъ и что мы живемъ прииваючи при постоянной стужѣ въ 20—30 градусовъ. Ночь довольно тихая; быють зорю—слышны только оклики часовыхъ и позывы того или другаго къ корпусному командиру. Знаете ли что? Въ лагерѣ трудно иногда доискаться того или другаго, — этотъ полевой и подвижной таборъ становится каждый день на новое мѣсто, улицъ и переулковъ нѣтъ, по этому заведено разъ навсегда, во всѣхъ походахъ, что начальникъ зоветь подчиненнаго просто во весь голосъ изъ своей кибитки, и кричить: пе-

(3) Извѣстный ученый путешественникъ.

редавай! Въ одну минуту весь лагерь оглашается именемъ того, кого ищутъ, съ прибавленіемъ къ кому—и всякого легко отыскать. Больныхъ у насъ много; все лихорадки и горячки, 3—4 озноба, незначительныхъ впрочемъ; поносы, нѣсколько возобновившихся хроническихъ болѣзней. Старикъ Молоствовъ захворалъ, говорятъ, что худо переноситъ сильную стужу; у В. А. глаза совсѣмъ поправились, слава Богу. Изъ насъ нѣтъ ни одного больного, только Иваннѣ захворалъ, потому что хотѣлъ непременно поставить на своемъ и вытерпѣть весь походъ въ одномъ тепломъ скруткѣ и *холодной* шинели верблюжьяго сукна; я его много уговаривалъ, но онъ увѣрялъ, что ему тепло. Дѣлаютъ чай: еслибъ вы увидѣли этотъ сбродъ пестрыхъ, цвѣтныхъ, полосатыхъ, одноцвѣтныхъ и всякаго калибра халаты, куртки, шпесеры, сертуки, черески, казакины, чекмени и чекменьки, увѣрю васъ, что это стоятъ кисти Штернберга, особенно если бы онъ не упустилъ разнообразныя шапки, кушаки, пояса, платки, шали, косынки и пр. «Оселъ въ квадратъ» восклицаетъ въ эту минуту Ханьковъ «что я не взялъ съ собою перины!» Надо вамъ сказать, что ему Курумбай стелеть каждый день семь ковровъ, семнадцать кошмъ и полстей, подушки, тулупы, шубы, но ему, Сардаанапальской душѣ, всего этого мало! Онъ и теперь, какъ обыкновенно, занимаетъ мѣсто предсѣдателя передъ топкой желѣзной печки и куритъ изъ черешневаго чубука своего талежника въ оглоблю. Да, у Волженцова, молодого казака, который взять нами для съемки шкуръ и проч., у него сѣла на подбородокъ Сибирская язва; вырѣзали, присыпали во время, и все прошло благополучно; онъ здоровъ. Добрая ночь.

21-го Дек. на Эмбѣ, въ укрѣпленіи нашемъ Аты-Якши, что значитъ по Русски: *доброе имя*. Ура! 500 вер. прошли; не уснѣемъ оглянуться какъ пройдемъ и еще столько, да полстолько, да еще одну версту—и пришли. Зима жестокая; 16° у насъ ни почемъ, что называется тепло, если только нѣтъ вѣтру. Только два дня было у насъ 10° и въ полдень еще меньше,

теперь снова наладилъ морозъ-свѣговичъ 16, 18, 20, 25. Благодаря Бога, все удивительно благополучно, всего не болѣе челоуѣкъ десяти познобили себѣ пальцы или персты на ногахъ; никто не замерзъ, и одинъ только отморозилъ ногу, да и то такъ, что по всей вѣроятности она еще будетъ цѣла. Вы заботитесь обо мнѣ: говоря по совѣсти, положивъ руку на сердце, я со времени выхода изъ Оренбурга не *зябъ*, не только не подвергался опасности отморозить руку или ногу. Многие познобили себѣ носы, щеки, это правда, и у многихъ нарастаетъ на лицѣ другая и третія шкура; но я невредимъ доселѣ и приписываю это осторожности своей. Многие чрезвычайно легко одѣты; увѣряютъ, что теплѣе одѣваться тяжело и пр. Я совсѣмъ съ этимъ не согласенъ; я одѣтъ очень тепло и притомъ легко сажусь на лошадь, двигаю руки и ноги безъ затрудненія. Не заботьтесь также объ утратѣ знаменитаго совика моего, которому нѣтъ подобнаго во всей поднебесной, или по крайней мѣрѣ въ нашемъ отрядѣ. Совикъ Штернберга также довольно одолжителенъ, и лебяжья куртка, которую я еще покрылъ верблюжьимъ сукномъ и не спускаю съ плечъ, грѣетъ какъ печь. Вы все хотите подробностей, ведите избѣгать общихъ мѣстъ и замѣчаний! Вотъ они вамъ, не скучайте, сами на нихъ напросились. Ханьковъ, получивъ имя Сардаанапаль-паши, съ минуты прибытія нашего на Эмбу, переселился въ укрѣпленіе къ астроному Васильеву, и мы его больше не видимъ. Сегодня несчастный Курумбай его потащилъ туда на плечахъ своихъ семисаженную кошму, ковры, подушки и всю спальную сбрую. Верблюдовъ угнали вереть за 10 на тебсепку; поэтому Курумбай долженъ былъ взять на себя ихъ обязанность, а постель Ханькова право составлять хорошей выюкъ. Васильевъ опредѣлялъ широту и долготу Аты-якши: 31½ градуса южнѣ Оренбурга и 21/20 восточнѣе. Это стало быть широта винограда, кипариса и почти даже винныхъ ягодъ и оливки,—а у насъ снѣгъ завалилъ все, буранъ свищетъ, и трескучій морозъ погоняетъ рьяныхъ копей, коней своихъ во всю Иванаовскую и

собрался, кажется, гнать насъ до самаго нельзя. Боялись, что мало будетъ снѣгу: что впередъ Богъ дастъ, а именно на Усть-уртѣ и здѣсь небесной манны этой въ волю. Она насъ питаетъ: уже много разъ ночевали мы безъ воды. Далѣе: Леманъ усердно распарываетъ мышей и въ Самоѣдской ермолкѣ своей много походить на папу Пія VII-го. Чихачевъ, какъ попечитель больницы, много хлопочетъ и до того заботится о лошадяхъ своихъ, что идетъ всегда $\frac{3}{4}$ перехода пѣшкомъ и не спитъ ночь, навѣдываясь по часту, хорошо ли ихъ кормятъ. Теперь мы опять у сѣна, а нѣсколько дней кони голодали и отрывали бѣдный кормъ подъ глубокимъ сѣнгомъ. Сегодня считали и пересчитывали всѣхъ верблюдовъ, осмагривали, много ли плохихъ, негодныхъ вовсе и хорошихъ: почти пятая часть оказываются негодными и должны быть выписаны въ инвалиды. Это досадно: подновить ихъ нечѣмъ! Далѣе: Мулла будетъ скоро разстриженъ, постукаетъ въ войско, съ чиномъ урядника и черезъ дватри дня произведенъ будетъ въ хорунжаго: честолюбіе морозитъ и убиваетъ насъ, а дивизіонъ 1-го казачьяго полка портитъ кровь, взвариваетъ желчь и заставляетъ говорить печенкой вмѣсто легкаго. Мулла ретивый и честный, надежный парень. Смѣшить онъ насъ, когда завернувшись вечеромъ въ огромную кошму свою, занимаетъ мѣсто за троихъ, и если кто начинаетъ ссориться съ нимъ и требовать, чтобъ онъ легъ поубористѣе, поумѣстительнѣе, то кряхтитъ, стонетъ и притворяется больнымъ. За это ему столько достается, что онъ увѣряетъ и божится, что дѣлаетъ это во снѣ и самъ того не помнить. Мы впрочемъ раздѣлились на двѣ юллы: шестерымъ тѣсно, нельзя разводитъ огня. Теперь мы стоимъ въ одной три, въ другой четыре человекъ, лежимъ просторно и разводимъ огонекъ. При томъ нѣкоторые изъ сотоварищей нашихъ негодовали на беззаботность другихъ, которые отнюдь не хотятъ хлопотать даже за себя и предоставляютъ это занятіе любителямъ. Мулла, Ивановъ, Чихачевъ и я въ одной юлламѣ, а въ двухъ шагахъ отъ насъ Леманъ, Ханьковъ и кор-

нетъ Шоттъ, ординарецъ В. А. Впрочемъ артель наша не раздѣлилась: кони, люди и верблюды остались подъ вѣденіемъ Иванова, а мулла произведенъ въ чай-баши, и разливаютъ въ кибитченкѣ нашей чай. Знаете ли, какъ хорошо посидѣть вокругъ огонька и пить чаекъ!

Въ укрѣпленіи гарнизонъ живетъ въ довольно опрятныхъ и удобныхъ землянкахъ, но воздухъ въ нихъ спертый, нездоровый и ничѣмъ не можетъ быть исправленъ. В. А. покупаетъ у здѣшнихъ Кайсаковъ нѣсколько кибитокъ съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ нихъ часть больныхъ и здоровыхъ. Я также согласенъ, что въ кибиткахъ, съ огоньками, жить гораздо здоровѣе. Кайсаки всѣ кочуютъ спокойно на своихъ мѣстахъ, ничего не боятся, и доселѣ ихъ никто не тронулъ волоскомъ. Старый хрѣнъ Юсупъ Кулановъ явился съ просьбою, чтобы камышъ на зимовьѣ его, верстахъ въ 8 отсюда, былъ пощажень. Вѣроятно просьбу его исполнятъ, хотя для насъ это очень неудобно.

IV.

Аты-Якши, на р. Эмбѣ, 23 Декабря.

Вчера мы было уговорились съ удалымъ уральскимъ есауломъ Назаровымъ (Максимомъ) ѣхать сегодня до свѣту на кабановъ, которыхъ здѣсь въ камышахъ много. Я всталъ сегодня часа за полтора до свѣту, вышелъ съ холода на холодъ, потому что въ юлламѣ нашей также не было еще огня, — снѣгъ сильно захрустѣлъ подъ ногами, дыханіе мгновенно мерзло на длинныхъ усахъ и на бородѣ: я не брился уже болѣе мѣсяца, со дня выступленія изъ Оренбурга. Окинувъ взглядомъ воротникъ тулупа, подъ которымъ провелъ ночь, я встрѣтилъ нѣсколько длинныхъ сосулекъ: видно холодно. Подошедши съ фонаремъ къ термометру Чихачева, висящему постоянно подъ часами, у кибитки В. А., я узналъ, что и сегодня опять 26°. Воздухъ тихъ, небо ясно, звѣзды сверкаютъ. Подумавъ хорошенько, разсудилъ, что лучше остаться дома, особенно еще послѣ бани, или лучше выразиться по польски: *мовни*, потому что я съ Ивано-

Русскій Архивъ. 14.

вымъ вымылся вчера вечеромъ у Зайчикова въ землянкѣ. И такъ я пошелъ въ юламу Назарова, который занимался разливкою чая, и объявилъ, что я на сегодня отщепенецъ. Ханьковъ, который, на все время нашего здѣсь пребыванія, перебрался въ укрѣпленіе къ Васильеву, снарядился однакоже и поѣхалъ на кабановъ. Онъ былъ замѣчательно уродливъ въ огромномъ, толстомъ совиѣ своемъ, съ ружьемъ (въ чехлѣ) за плечами, особенно, когда сердился въ это время и подбиралъ пули и патроны по калибру. Я совѣтовалъ ему дружески оставить воинственныхъ, предприимчивыхъ затѣи свои и ѣхать просто зрителемъ, потому что кабанъ иногда не любитъ шутить, а испуганная выстрѣломъ и нападеніемъ кабана лошадь не рѣдко скидываетъ подобныхъ ѣздоковъ. Опъ однакоже пребылъ твердъ и не поколебимъ; пошли ему Господь на этотъ разъ побольше равновѣсія. Напившись чаю, вышелъ я взглянуть на восходящее солнышко, мутное, блѣдное, сонное,—и увидѣлъ вмѣсто одного солнца три. При вышѣшней стужѣ мы уже частенько видѣли эти побочные облики Аполлона, но ни разу еще обликъ не былъ такъ хорошъ, какъ сегодня. Рѣшительно нельзя было сказать, которое изъ трехъ видимыхъ свѣтилъ настоящее солнце; можно было только догадываться, что это, какъ обыкновенно, среднее. Я забылъ сказать, что передъ самымъ восходомъ, надъ солнцемъ поднялся высокій столпъ яркаго свѣта, потомъ уже явились три солнца, потомъ вскорѣ начали тускнѣть, два изъ нихъ приняла радужные цвѣта и растянулись нѣсколько по виртикалу, края ихъ заплыли, и ярче разгорѣвшееся солнце разогнало остатки своего подобія. День ясный, тихій, почти теплый — а 26°!! Въ землянкахъ укрѣпленія 8°—10° тепла, а между тѣмъ тамъ жарко и душно; дыханіе видно, какъ въ холодной комнатѣ, а намъ, окостенѣвшимъ уже на морозѣ, жарко. Свѣтлыя искры льются по воздуху, переливая фіалковые, радужные цвѣта; блескъ снѣга на землѣ невыносимъ безъ наглазниковъ, и больнымъ, которыхъ въ одномъ нашемъ т. е. 4-мъ отрядѣ болѣе 70 человекъ, не хорошо: тутъ никакое лѣкарство не помогаетъ, коли самъ

не подынешься. Болѣзни большею частію простудныя, въ укрѣпленіи напротивъ до сотни человекъ горячешныхъ, цыготныхъ и проч. Землянки ихъ хороши, но землянка всегда землянка: будь она опратна и свѣтла, все она подъ землею! Вотъ почему, кажется, очень хорошо дѣлають, что хотять вывести большую часть гарнизона въ кибитки. Вѣрте мнѣ, въ кибиткѣ и при 30° хорошо и тепло, былъ бы только днемъ огонекъ, хоть малевкій, чтобы можно погрѣться глазами и воображеніемъ, — и былъ бы на ночь хорошій тулупъ да кошма. И такъ, морозу мы не боимся, не шутя: пишу это при 26°, въ такое время, когда продолженіи мѣсяца два только раза термометръ показывалъ менѣе 10°, шесть разъ болѣе 28-ми, двѣнадцать дней болѣе 20-ти. Мы стоимъ здѣсь съ недѣлю или болѣе; можетъ статься, морозы спадутъ. Это было бы желательно для нижнихъ чиновъ, которые не могутъ раскладывать бивачныхъ костровъ, а иногда съ нуждою только сварятъ свою кашину. Ихъ кормятъ очень хорошо; теперь дають по цѣлому фунту мяса въ день. Здѣсь вблизи кочуютъ Назаровцы (Чиклинцы) и начинаютъ уже садиться на зимовье. Отрядъ нашъ проходилъ мѣстами вплоть мимо ауловъ ихъ, и къ чести отряда должно сказать, что никто не тронулъ Кайсаковъ пальцемъ, не смѣлъ взять волоска, или клока шерсти, не говоря уже о баранѣ. Я не думаю, что все это обойдется и можетъ обойтись такъ чинно. Извѣстный батыръ — въ старые годы наѣздникъ и воръ — Юсупъ Кулановъ получилъ вчера хорошіе подарки, между прочимъ синій кафтанъ, двуствольное ружье и золотой перстень съ арабскою надписью. Старикъ, лѣтъ 80, былъ очень доволенъ и обѣщалъ стараться о пополненіи недостающихъ верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота. Для этого черезъ недѣлю будетъ у насъ туй, т. е. пирь, на который должны собраться всѣ ближніе Назаровцы и вести съ собою скотъ, что у кого лишнее есть, и за каждую голову будутъ платиться деньги.

Написавъ это, я отправился въ столицу нашу, въ укрѣпленіе, самъ не зная, за чѣмъ

и къ кому, такъ прогуляться. Вдругъ входитъ Ханьковъ, мерзлый, отчаянный; онъ воротился съ неудачной охоты, и говоритъ: «видите скорѣе въ лагерь, вась ищутъ: гонцы прибыли съ Акъ-Булака (со втораго укрѣпленія) съ извѣстіемъ, что тамъ дерутся съ Хивинцами». Вотъ, рассказъ посланныхъ: 13-го Декабря отправлены были отселѣ 130 человекъ пѣхоты и сотня казаковъ въ Акъ-Булакъ, чтобы привести оттолѣ всѣхъ больныхъ, до сотни. Команда эта, ничего не чая, остановилась для послѣдняго почлега 18 Дек. верстъ за 10 недоходя укрѣпленія, и ночью вдругъ Хивинцы съ крикомъ и визгомъ напали, кипувшихъ напередъ всего на лошадей. Лошади были стреножены, но до 30 треногъ лопнуло, и кони шарахнулись безъ удержу; 40 верблюдовъ посакали за ними вслѣдъ. Между тѣмъ отрядецъ справился, собралъ остальныхъ лошадей и верблюдовъ, окружилъ себя заваломъ изъ телегъ и вьюковъ и благополучно выдержалъ 1½ дневную осаду 2-хъ до 3-хъ тысячъ Туркменъ, Каракалпаковъ и Хивинцевъ. Казаки и солдаты отстрѣливались славно, кидались нѣсколько разъ изъ засады своей на непріятеля, который наконецъ принужденъ былъ удалиться. Съ нашей стороны убиты: три солдата и два казака; ранено 11. У Хивинцевъ потеря не извѣстна, потому что они утаскивали убитыхъ и раненыхъ съ собою; но сами посланные, бывшіе жокаками при отрядѣ, видѣли 8 человекъ, свалившихся съ лошадей. Трое убиты были такъ близко, что тѣла ихъ Хивинцы не успѣли выхватить и покинули. На одномъ изъ посланныхъ была завоеванная сабля, которыхъ взято 5. Прибывъ за тѣмъ благополучно въ укрѣпленіе, молодцы наши услышали Здѣсь, что тотъ же Хивинскій отрядъ осаждалъ его три дня, но не могли нанести ему никакого вреда и потерявъ нѣсколько человекъ отъ гранатъ и картечи, прошелъ мимо, вѣроятно для развѣдокъ;—и на этомъ то розыскъ встрѣтилъ конвой, посланный для больныхъ. Вся слава разбойниковъ и трусовъ состоитъ въ томъ, что они звѣрски замучили и разрѣзали по частямъ одного Кайсака, посланнаго, охотой, съ увѣщательными грамотами къ Хивинскому

народу, къ Каракалпакамъ и проч., дабы, по возможности, предупредить напрасное кровопролитіе. Прибывшіе сюда гонцы нашли остатки тѣла его на дорогѣ, верстъ не болѣе какъ въ 5—6 отъ самого укрѣпленія. Это озлобило вообще всѣхъ Кайсаковъ до того, что они называютъ Хивинцевъ кяфрами, не мусульманами и кланутся въ мести. Тѣмъ вѣрнѣе будутъ они намъ служить, тѣмъ менѣе можно ожидать побѣговъ, хотя, правду сказать, и теперь изъ отряда нашего бѣжало Кайсаковъ 3 или 4 человека, и только изъ числа высланныхъ за нами Бай-Мохамедомъ, при 350 верблюдахъ, прибывшихъ вовсе отдѣльно и по себѣ, бѣжало 12 человекъ Кайсаковъ. И такъ, первая побѣда надъ непріятелемъ одержана, а главное—Хивинцы вышли изъ гнѣзда своего и должны теперь драться. Пора спать: до завтраго. Двое Кайсаковъ прибывшихъ съ этою вѣстію вызвались для опасной посылки, а другихъ охотниковъ не было. Это тѣже самые, которые были отсюда посланы жокаками съ командой, ушедшей въ Акъ-Булакъ за больными. Одинъ изъ нихъ человекъ бывалый, видѣлъ войну между Кайсаками, видѣлъ войну Хивинцевъ съ Персіанами, съ Бохарцами,—но эдакой войны, говорить, какъ бой 200 человекъ, этой горсти, за тюками и телѣгами, не видалъ. Онъ не можетъ надивиться хладнокровію солдатъ нашихъ, которые почти двои сутки отстрѣливались, пѣли при этомъ пѣсни, какъ именно Кайсаки замѣчаютъ въ рассказѣ своемъ, даже курили трубки. У Хивинцевъ было два трубача, огромныя, саженныя трубы съ широкимъ раструбомъ; трубачи эти сзывали правовѣрное воинство на бой; всѣ около нихъ собирались, но, какъ трубачамъ, нельзя было подъѣзжать близко къ заваламъ нашимъ, потому что-де стрѣляли оттуда, то и наѣздники вѣстѣ съ трубачами давали тылъ. Причина весьма удовлетворительная: у трубача, какъ у всякаго другаго молодца тогоже калибра, лобъ не за каменной стѣпой. Очень хвалятъ поручика Ерофѣева, командира роты, за хладнокровіе и распорядительность его. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что въ первый разъ попалъ въ огонь и войны не видалъ. Сол-

дать было съ нимъ, какъ я узналъ теперь върнѣе, 170 челов., а казаковъ сотня, изъ коихъ 40 верхами, а лошади изъ подь остальныхъ были заложены въ сани и телѣги, подь больныхъ. Все это прекрасно. Остаются только неодолимая хлопота съ больными, эту вѣчную муку всѣхъ военныхъ отрядовъ: за ними сто разъ болѣе хлопотъ, чѣмъ за убитыми. У насъ, въ 4-й колоннѣ, ихъ уже до 90 человекъ.

У насъ идетъ повѣрка и пересмотръ верблюдовъ: ихъ должно бы быть 10 т.; но выходитъ менѣе, такъ, что за выключкой негодныхъ едва наберется 8 т. Запаснаго продовольствія въ Хиву нельзя будетъ взять болѣе чѣмъ на мѣсяцъ; прежде не рассчитывали на тамошнія средства вовсе, а теперь надобно будетъ оглянуться тамъ, нѣтъ ли гдѣ хлѣбца, или обратить часть верблюдовъ опять на Эмбу, для подвозу. Впрочемъ, у насъ есть еще порядочный запасъ въ Новоалександровѣ, это ближе, и туда можно будетъ послать съ мѣста: туда всего отъ Хивы двѣ недѣли ходу. Солдаты кормятъ очень хорошо, даютъ имъ теперь по полному фунту мяса на день; не смотря на это, они болѣютъ. Сначала выступления В. А. были очень озабочены неисправностью цѣпи нашей; не умѣли опрашивать проходящихъ, пропускали безъ отзыва, засыпали на часахъ, кутались въ кошмы отъ бурановъ; поэтому всѣ наличные при штабѣ офицеры стали обходить (ночью) цѣпь и повѣрять часовыхъ. Нынѣ дошли до того, что можемъ быть спокойны; часовые стоятъ хорошо и понимаютъ обязанность свою. В. А. вчера ночью хотѣлъ проѣхать насильно черезъ цѣпь; часовой оставилъ ему штыкъ въ грудь и побоялся, что заколетъ, если не остановится на мѣстѣ до прихода ефрейтора, котораго звалъ отчаяннымъ голосомъ. Мы также боялись частыхъ побѣговъ Кайсаковъ съ верблюдами, но доселѣ было только два или много три случая, остальные служатъ хорошо и стали даже сами (т. е. не верблюды, а Кайсаки) вьючить ихъ къ крайнему облегченію войска. Бай-Мохамедъ прислалъ 380 верблюдовъ, изъ числа этого ушло дорогою 42 верблюда, т. е. 12 челов. съ ними бѣжали. Удивительно,

что доселѣ нѣтъ здѣсь самого Бай-Мохамеда, ему срокомъ назначено было 15-е число, и онъ хотѣлъ прибыть съ 400 Кайсаковъ.

Насчитать ли вамъ, хотя ради небольшого самохвальства, всѣ неудобства нашего необыкновеннаго похода? Начинаю тѣмъ, что еслибы идти намъ по утвержденнымъ и установленнымъ на этотъ предметъ общимъ постановленіемъ, то мы бы доселѣ не дошли далѣе Илецкой Защиты. Напримѣръ: предписывается посылать квартиргеровъ, занимать биваки всегда по близости селеній, разводить бивачные огни, стоять на мѣстѣ, ждать, если морозъ превышаетъ 15°. Хороши бы мы были! Долго бы намъ пришлось дожидаться пятнадцати градусовъ, и дожидаться, покалѣтъ выростутъ на пути лѣса и выстроятся селенія! Мы идемъ глубокимъ снѣгомъ, цѣликомъ, безъ дороги,—и это тяжело; верблюды безпрестанно развьючиваются, за ними хлопотъ много, и много остановки; нѣсколько верблюдовъ пристають вовсе, на каждомъ переходѣ,—надобно скакать по отряду, искать порожняго верблюда, чтобы не покинуть вьюка; а между тѣмъ Кайсаки рѣжутъ отслужившаго горбуна и дѣлятъ между собою мясо. Расчитывали, что на верблюда могутъ садиться попеременно по два солдата, оно справедливо, и верблюдъ несетъ двухъ человекъ легко; но оказывается, что жесткая сума солдатская занимаетъ много мѣста и сверхъ того набиваетъ верблуду задній горбъ, а верблюдъ со сбитымъ горбомъ идетъ только подь ножъ. Число верблюдовъ сравнительно съ числомъ войскъ, очень велико; верблюдъ, избалованное животное, которое требуетъ—не корму, не воды, а присмотру. Не хорошо навьючить, не выровнить тюки, пустить веревку черезъ горбъ—значитъ лишиться верблюда, онъ уже не служака и изъ счету вонъ; каждый день надобно разгребать снѣгъ на томъ мѣстѣ, гдѣ верблюды укладываются и даже, гдѣ только можно, срывать землю, до талой земли—работы много. Надобно также подстилать подь скотину эту кошмы или камышь; а солдаты гораздо охотнѣе укрываются кошмами сами и жгутъ камышь, и верблюды болѣютъ и дохнутъ.

В. А. уѣхалъ въ укрѣпленіе, отъ котораго мы въ полуверстѣ—заботиться о большихъ; папа Пій VII-й поймалъ Menonites Tamariscina и очень доволенъ; онъ ходитъ по сугробамъ снѣга въ мѣховыхъ сапогахъ, нагольномъ тулупѣ и самоѣдской скуфѣ, закрываясь локтемъ отъ жестокаго бурану. Сарданапаль-паревичъ возвратился съ охоты благополучно и очень удачно, т. е. къ счастью не видалъ кабана и остался цѣль и невредимъ. Ивановъ варитъ пельмени, разъ по семи на день и ѣсть, увѣряя, что это грѣшетъ. Мулла, нынѣ чиновникъ, урядникъ, взявъ у меня ружье, послушавъ о близости Хивинцевъ и пригоняетъ пули. Сабли онъ не снимаетъ съ себя даже ночью, потому что теперь онъ военный человекъ. Чихачевъ таки дохолодился на морозѣ до того, что его вчера маленько встряхнуло—нынѣ онъ здоровъ. Бодиско стоитъ отъ насъ саженьяхъ во ста, за штабомъ, въ обозѣ; мы видимъ его только за обѣдомъ, да изрѣдка навѣщаемъ; ему вчера выдернули зубъ, который его вѣсколько дней сильно мучилъ.

Я помянулъ пельмени: скажите пожалуйста тому, до кого это можетъ касаться,—что пельмени наши никуда не годятся; въ Оренбургѣ, какъ вы чай помните, была оттепель; заботливый поваръ нашъ пересыпалъ ихъ въ это время мукой, чтобы не слились всѣ въ одинъ пельмень—теперь, какъ сварятъ ихъ, точно клейстеръ, мукѣ сваренная въ водѣ. Между тѣмъ ѣдимъ ихъ очень прилежно, потому что французскій самоучитель, М-г l'Arpetit, даетъ намъ полезныя уроки. Вчера вся честная піющая братія возстала на меня дружнымъ и шумливымъ оплотомъ, за то, что я не умѣю достать вина для нихъ, которое замерзло въ боченкѣ. Я просилъ наставленія, какъ это сдѣлать,—потому что боченокъ на морозѣ не отойдетъ, а рубить его не приходится; водяныя части вина разумѣется замерзли напередъ, а послѣ уже спиртовья, и потому надобно бы оттопить все. Велегласное совѣщаніе кончилось тѣмъ, что нельзя ничего сдѣлать, и трое ретивыхъ спорщиковъ, которые хвалились, что распорядились бы гораздо лучше, еслибы дѣло было поручено

имъ, замолчали. Имъ однакоже очень при-
скажбно, что мы завтра, первый праздни-
къ, будемъ безъ вина. И такъ сегодня сочель-
никъ; походная церковь наша поставлена
въ укрѣпленіи; зеленая кровля шатромъ
виднѣется издали. Въ Оренбургѣ храмикъ
нашъ исчезалъ среди высокихъ зданій,—
здѣсь, между курныхъ и дымныхъ кибитокъ,
между рыхлыхъ землянокъ, занесенныхъ суг-
робами снѣга, между будками спитыми на
живую нитку изъ лубковъ и рогожъ, поход-
ная церковь составляетъ самое великолѣп-
ное зданіе. Тридцать два заряда пригото-
влены, колоколь сзываетъ на всенощную—
здѣсь конечно отъ созданія міра впервые
раздается звонъ христіанскаго колокола. Для
сочельника вѣтеръ стихъ; погода прекрас-
ная, мы ходимъ въ однихъ курткахъ и сер-
тучкахъ—и не можемъ надивиться, что тер-
мометръ докладываетъ намъ о 14 градусахъ.
Это, право, оптическій обманъ. Земля ныр-
нула уже въ глубокую тьму—вокругъ под-
нимаются искристые столбы туманнаго
свѣту, это огни наши; вблизи на всѣхъ
кибиткахъ, по своду кровли, широкія огнен-
ныя прорѣхи, изъ которыхъ вылетаетъ
дымъ, шаръ, и тутъ и тамъ искры; часо-
вые опять затагнули уже круговую зѣвоту
свою, верблюды угнаны на далекое паст-
бище, и потому унылыхъ цѣней ихъ не слы-
шать. Все тихо;—«солдатъ стой, убью—сол-
датъ стой, что отрылъ?» раздается тутъ и
тамъ—и благодать Господня почіетъ на хри-
столюбивомъ воинствѣ.

Командиръ колоннъ перемѣняется по слу-
чаю назначенія Толмачева командующимъ
пѣхотой, Цюлковскаго кавалеріей, Кузмин-
скаго артиллеріей. Первой колонной коман-
дуетъ полковникъ Бизяновъ, славный, поч-
тенный старецъ и знакомецъ мой, уралецъ,
ходившій еще при Павлѣ I въ аломъ каф-
танѣ и синей шапкѣ, воевавшій еще съ
Суворовымъ—и первая колонна идетъ впе-
редъ, чуть ли не на второй день праздника.
Счастливыи и завидный путь!

V.

27 Дек. Четыре колонны наши пойдутъ
отсюда эшелонами, съ тѣмъ, чтобы 1-я
колонна приняла въ одномъ или двухъ пере-

ходахъ отъ Акъ-Булака высланныхъ оттуда, подъ прикрытіемъ Чижева, больныхъ, передала ихъ за переходъ во 2-ю, тамъ въ 3-ю, 4-ю, и такимъ образомъ будутъ они доставлены благополучно сюда, и мы не лишимся конвоя своего, который въ иномъ случаѣ долженъ бы проводить больныхъ и съ ними остаться. Чихачевъ еще открылъ, что термометръ его вралъ на $1\frac{1}{4}^{\circ}$, а именно показывалъ меньше, потому что висѣлъ на кибиткѣ В. А., въ которой бывало до 20° и болѣе тепла. Стало быть 6-го Дек. у насъ было до 34° морозу, что и согласно съ наблюденіемъ въ другихъ колоннахъ. Странная болѣзнь появляется здѣсь изрѣдка, скажите мнѣ, что это такое: начинается прямо безпамятствомъ и сумашествіемъ, между тѣмъ какъ по всему нельзя предполагать тутъ воспаления мозгу; человѣкъ до пяти заболѣвали, и двое умерли.

Отъ Оренбурга шли мы все въ гору, вверхъ по Илеку; перешли Сыртъ, т. е. раздѣленіе водъ, возвышеніе Буссага, которое на картахъ изображаютъ огромными, небывалыми горами; тамъ спустились внизъ по Эмбѣ и теперь пойдемъ низменною степью до самаго Чинта. До Эмбы земля довольно плодородна, растутъ ковыль, а гдѣ ковыль, тамъ можетъ расти и хлѣбъ; отсель далѣе почва илѣстая, песчаная, солонцеватая, глинистая, словомъ, дно морское: растутъ одни тонкія солянки и мелко-травчатая полынь, да мѣстами бурьянъ и помочка, словомъ земля голодная, лѣтомъ почти непроходимая. По Илеку сидѣли аулы Ташипцевъ; здѣсь Чиглины, и именно Назаровцы; это народъ довольно дикій, многіе изъ нихъ не видали отъ роду Русскихъ;— между тѣмъ аулы ихъ сидятъ спокойно кругомъ, не уходятъ, потому что зимою имъ бѣжать нельзя, и приводятъ даже скотъ на продажу; имъ велѣно поставить намъ сколько можно верблюдовъ и лошадей. Нѣсколько ауловъ вѣденія Куль-Джани не дали вовсе верблюдовъ, когда собирали ихъ для экспедиціи и платили найму по 10 руб. серебр. за каждый. Этимъ молодцамъ задана теперь задача—поставить двѣ сотни горбуновъ. По случаю ссоры Назаровцевъ съ Хивинцами никакихъ вѣстей о войскѣ ихъ нѣтъ;

не знаемъ что и какъ будетъ, а надѣемся встрѣтить ихъ.

28 Дек. Кто скажетъ намъ, какіе это Хивинцы съ нами дрались? Передовой ли отрядъ, или просто команда Менембая (Джангиза), которая вышла встрѣчать караванъ и сорвать съ него что можетъ, и вздумала прислужиться хану нападеніемъ на Акъ-Булакъ? Статься можетъ, что мы ихъ и не удивимъ больше, и знаменитую вылазкою двѣнадцати солдатъ и 4-хъ Грозненскихъ казаковъ кровопролитіе кончится! Но человѣчеству—прекрасно; но, соображая цѣль многотрудной и дорогой экспедиціи нашей, дурно. Если все обойдется по христіански, чинно, смиренно, тихо — тогда не узнаютъ страху, и нельзя поручиться, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ Хива не сдѣлалась опять тѣмъ же вертепомъ. Если напротивъ придется побить ихъ путемъ, разбить какой нибудь глиняный валъ или стѣну ядрами или подорвать его миной, поднять на штыкъ ихнее ополченіе, размести, какъ говорится, пепель хвостомъ конскимъ: тогда бы помнили Русскихъ долго. Первая угроза имъ легла бы смерчемъ на безпутное ханство, и каждое требованіе было бы свято исполняемо.

— Вчера В. А. въ первый разъ приказалъ сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ: колонны въ сборѣ, и потому всѣ могли наблюдать ихъ хорошо. Впрочемъ, никогда употребленіе этого средства на сухомъ пути не можетъ сдѣлаться до такой степени общимъ, какъ на морѣ (*): тамъ ничего не мѣшаетъ наблюдать огни, тамъ часовой закричитъ: сигналы—и вахтенный, не сходя съ мѣста направляетъ глаза или трубу въ ту сторону, гдѣ флагманъ; здѣсь иному придется бѣжать съ версту, покуда найдетъ того, кому надо наблюдать, и этому опять искать чистаго мѣста, откуда сигналы видны.

Мы обстрѣливаемъ коней своихъ: мои, мухортый и карій, ничего не боятся, словно знали, что подъ такого богатыря пойдутъ. Для охоты это очень пріятно. Леманъ вчера

(*). Передъ назначеніемъ въ Оренбургъ гр. Перовскій слу. жилъ нѣкоторое время въ морскомъ вѣдомствѣ, П. Б.

бздилъ версть за десять, видѣлъ горы морскихъ ракушекъ и животныхъ, далъ нѣсколько промаховъ изъ ружья и щедро наградилъ казаковъ, которые убили ему пятокъ куропатокъ и два жаворонка. Онъ гѣшился ими. Чихачевъ, выбривши и вымывши всю прислугу нашу, сжегъ рукавъ совика, обрѣзалъ огромные бахилы и работалъ потомъ съ астрономомъ Васильевымъ. Онъ, Чихачевъ, постоянный метеорологъ нашъ, беретъ высоты, наблюдаетъ барометръ, термометръ и даже баро-термометръ: машинка, по которой черезъ кипяченіе перегонной воды узнается возвышеніе мѣста отъ поверхности моря, потому что вода, какъ извѣстно, кипитъ при различной температурѣ, смотря по возвышенію мѣста или тяжести воздушнаго надъ нею столба. Мнѣ поручено строить койки, о которыхъ я говорилъ, и это занятіе яраво больше идетъ ко мнѣ, чѣмъ быть очень неисправнымъ буфетчикомъ. Но, что всего лучше, у насъ теперь прекрасныхъ, сухихъ, березовыхъ щепъ вдвоемъ: въ юлламѣ платятъ неугасимый огонь, и Весталка наша, знаменитый Бай-севъ Чихачева, не можетъ нахвалиться щедротами Аллаха. У Байсена этого рожа право самая неблагопристойная, разсудка нѣтъ, кажется, ни на волосъ, а между тѣмъ онъ пасетъ прекрасно верблюдовъ, день и ночь караулитъ лошадей и стѣбитъ намъ теперь дороже трехъ исправныхъ деньщиковъ. Мы позвали вчера вечеромъ моего Саната въ юлламу, сѣли вокругъ огня, затопили чайникъ, произвели Муллу-Нура въ чайбаши и заставили Саната рассказывать сказку, услышавъ случайно, что онъ большой мастеръ этого дѣла. Чтоже вы думаете? Право мы изумились; ждали какогонибудь вздору, а Санатъ мой высыпалъ намъ цѣлую поэму о Чурь-батырѣ, Ногайцѣ, въ презамысловатыхъ стихахъ, съ безконечнымъ ожерельемъ прибаутокъ, съ рѣчами, съ пѣснями, съ припѣвами, складно, ладно и причудливо. Это большая рѣдкость между Кайсаками; у нихъ обыкновенно не найдете, въ народной поэзіи, воспоминаній былевыхъ, а пѣснопѣвцы слагаютъ стишки свои, по четыре въ строчѣ,

на обумъ, помня немногіе изъ нихъ наизусть. Чурь-батыръ непременно будетъ переписанъ, отъ слова до слова, и переведенъ на Русскій языкъ. Я далеко не все понималъ, но удивился необыкновенному сходству духа этой сказки и самаго разсказа съ Русскими богатырскими сказками. Что такое народная поэзія? Откуда берется это безотчетное стремленіе нѣсколькихъ поколѣній къ одному призраку, и какимъ образомъ наконецъ то, что думали и чувствовали въ продолженіи десятковъ или сотенъ лѣтъ цѣлые народы, племена и поколѣнія, оживаетъ въ словѣ, воплощается въ словѣ одного, и снова развѣивается въ толпѣ и дѣлается общимъ достояніемъ народа? Это загадка. Сто устъ глаголятъ одними устами—это хоръ древнихъ Грековъ, и значеніе хора ихъ можетъ понять только тотъ, кто способенъ постигнуть душою, что такое народная, созданная народомъ поэма: это дума вслухъ цѣлаго народа, цѣлыхъ поколѣній народа. Для меня, это первый залогъ нашего безсмертія. Говорятъ: гласъ народа, гласъ Божій; что же сказать о гласѣ цѣлаго поколѣнія? Этотъ залогъ — долженъ найти свой отголосокъ, онъ не замретъ въ простотѣ и силѣ своей, а отголоска ему въ этомъ мірѣ вѣтъ. Такъ-то мы читаемъ въ каждой книгѣ не то что написано, а то, что можемъ понять и постигнуть, что тронетъ и займетъ насъ; такъ-то народныя преданія для иныхъ — бабы сплетни, для иныхъ совсѣмъ иное.

Такъ коловратно все на свѣтѣ! Не болѣе трехъ часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я кончилъ эту страницу письма, и погода измѣнилась, сдѣлалось гораздо теплѣе, вѣтеръ затихъ, а у насъ въ отрядѣ двухъ Кайсаковъ разстрѣляли. Ночью бѣжало шесть человекъ съ 18-ю верблюдами, а потомъ всѣ верблюдишки въ колоннѣ Толмачева объявили, что далѣе идти не намѣрены, а хотятъ воротиться. Причины раздумья ихъ были очень просты: верблюды-де у насъ плохи, уставутъ, не дойдутъ, неприятель впереди, время опасное—такъ зачѣмъ мы туда пойдемъ? В. А. выѣхалъ къ нимъ тотчасъ самъ, велѣлъ ихъ собрать и окружить карауломъ, человекъ до 200. За тѣмъ

Ивановъ растолковалъ имъ, что мы всё идемъ не по своей волѣ, а по волѣ Государевой, что всякій, кто теперь смѣетъ сказать: «я не иду далѣе» ослушникъ и преступникъ и долженъ быть строго наказанъ; что Кайсаковъ у насъ кормятъ хорошо, даютъ имъ мяса и крупъ болѣе чѣмъ солдату; что непріятеля имъ бояться не для чего, какъ могутъ заключить изъ первой стычки нашей съ нимъ: тамъ Кайсаки лежали, по распоряженію офицера, за пулями, а солдаты и казаки отстрѣливались; солдаты же и казаки ранены и убиты, а Киргизы всё цѣлы и пр. За тѣмъ спросили всю толпу, кто повялъ рѣчь эту, образумился и хочетъ идти, и кто нѣтъ. Нѣкоторые увидали, что мимо ихъ прошли рабочіе солдаты съ лопатами и кирками, а другіе съ ружьями за ними, и спѣшили бѣгомъ перебраться на правую сторону; другіе послѣдовали ихъ примѣру, а семь человѣкъ, и въ томъ числѣ знаменитый ораторъ, который кричалъ за всѣхъ, что мы де не пойдёмъ, перепли на лѣвую сторону. Послѣднихъ тотчасъ же окружили казаки съ пиками, и В. А. указалъ на одного изъ нихъ (кажется, на перваго встрѣчнаго, на кого упала рука). Его вывели, раздѣли, завязали глаза, и залпъ раздался. Вслѣдъ за тѣмъ та же судьба постигла другаго, остальные пять взывали о милосердіи и отдавали души свои въ поруки, что готовы идти на край свѣта. В. А. сказалъ имъ, что прощаетъ ихъ во уваженіе просьбы султана-правителя Бай-Мохамеда, который присутствовалъ тутъ же, и образумившіеся глупыши, бѣгомъ, куврыкомъ и прыжкомъ, пробрались между лошадьми и пиками на правую сторону, къ праведнымъ. Примѣръ этотъ необходимъ. Подкрѣпи только Господь здоровье В. А. (*) и душевную силу его! Онъ иногда бываетъ очень разстроенъ отъ безпрестанныхъ непріятностей и трудовъ, отъ заботъ, которыя нельзя устранить и не всегда можно увѣнчать успѣхомъ.

(Окончаніе будетъ.)

(*) Сравни Р. Ахр. 1865, Записки гр. Перовскаго.

ИЗЪ БУМАГЪ О ГРАФѢ СПЕРАНСКОМЪ, ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЕГО „ЖИЗНИ“, ИЗ- ДАННОЙ ВЪ 1861 ГОДУ. (*)

I.

Къ стр. 22-й (примѣч.) тома II-го.

Здѣсь упоминается о собственноручномъ письмѣ графа Павла Александровича Шувалова. Оно было отъ 27-го Августа 1815-го года, во время заточенія Сперанскаго въ селѣ Великопольѣ. Вотъ что писалъ ему графъ:

„Je sais avec le plus vif empressement l'occasion du départ de Mr Mohiliansky pour me rappeler à votre souvenir. Je serais déjà à Novgorod pour avoir l'honneur et le plaisir de vous voir; mais l'Empereur n'étant pas ici, je ne puis quitter Pétersbourg; dès qu'il sera arrivé, je lui en demanderai la permission. Je vous réitère par écrit la prière que je vous ai déjà faite par quelques personnes; je vous la fais avec les plus vives instances: employez-moi si je puis vous être utile; donnez-moi les moyens de l'être la voix d'un honnête homme peut se faire en entendre auprès d'un Souverain comme le notre. Il peut être abusé quelquefois, mais ne se refusera pas à l'évidence. Employez-moi, je vous en supplie, toujours et comme vous le croirez le mieux; vous prouverez par là que vous conservez quelque amitié à celui qui vous a voué pour la vie l'attachement le plus sincère et la reconnaissance la plus vraie.“

Т. е. „Пользуюсь съ живѣйшею готовностію отъѣздомъ г. Могилянскаго, чтобы напомнить вамъ о себѣ. Я уже непременно былъ бы въ Новгородѣ, чтобы имѣть честь и удовольствіе свидѣться съ вами, если бы отсутствіе Государя не удерживало меня въ Петербургѣ; но тотчасъ по его возвращеніи я буду просить дозволенія васъ посѣтить. Между тѣмъ возобновляю письменно, и притомъ самымъ настойчивымъ образомъ, прось-

(*) Сообщеніемъ этихъ бумагъ почтилъ наше изданіе высокоуважаемый авторъ «Жизни графа Сперанскаго», баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ. П. Б.

ГОДЪ ПЯТЫЙ
РУССКОЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ.

4.

П Р И

1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Конная гвардія въ іюнь мѣсяцъ 1762 года, *М. Н. Лонгинова*.
2. Письма къ Я. И. Булгакову: *Суворова* и кн. *М. Н. Волконскаго*. 1770—1773.
3. Письмо *А. И. Бибикова* къ кн. *М. Н. Волконскому*. 1774.
4. Письма гр. *Н. И. Панина* и лорда *Мальмсбюри* къ гр. *Нессельроду-отцу*. 1779 и 1780.
5. Два письма *Екатерины II* къ *Якобію* и бар. *Игельштрому*. 1782 и 1786.
6. Семейство *Робеспьеровъ*, *М. Ѡ. Шугурова*.
7. Изъ записокъ гр. *Е. Ѡ. Комаровскаго*. 1799—1802.
8. Жизнь и дѣянія кн. *Потемкина Таврическаго*, сочиненіе графа *А. Н. Самойлова*. Главы I и II.
9. Письма къ друзьямъ изъ похода въ *Хиву*. 1840 (окончаніе) *В. И. Даля*.
10. Письма *А. И. Тургенева* къ *И. И. Дмитріеву*. 1818—1825.
11. Письмо *А. С. Пушкина* къ *А. И. Тургеневу*. 1819.
12. Дополненія и поправки.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Мизяковой.

1867.

не могъ преодолѣть врожденнаго свойства пылкости: въ характерѣ его не доставало умѣренности, безъ коей при дворѣ трудно существовать, и хотя онъ былъ почителенъ и вѣжливъ къ достойнымъ людямъ, но не могъ по молодости удержаться, чтобы не осмѣивать тѣхъ, кои заслуживали порицаніе и тонкую сатиру. Сія черта свойствъ его возбудила противъ него сильныхъ, и онъ не возмогъ долго удержаться при вторичномъ и счастливомъ своемъ появленіи ко двору: чрезъ нѣсколько времени⁽³³⁾ послѣдовало неожиданное имъ удаленіе; такъ что въ вечеру, отбывши изъ дворца съ милостію императрицы и съ привѣтствіями отъ всѣхъ придворныхъ, на другой же день поутру получаетъ повелѣніе отправиться немедленно въ Швецію съ препорученіемъ весьма маловажнымъ; противъ желанія, оставляя льстившія его надежды, уѣхалъ⁽³⁴⁾. Хотя же нѣкоторый писатель увѣряетъ, что при семъ удаленіи получилъ онъ выгодное жалованіе, но это несправедливо; ибо онъ получалъ 1000 р. жалованія, какъ камеръ-юнкеръ, да 1000 р. пансіону, который имѣли всѣ бывшіе при восшествіи ея величества на престолъ на ряду съ другими и пожалованъ помѣстьемъ 400 душъ крестьянъ. Сверхъ сего получилъ обыкновенную сумму денегъ, которая въ подобныхъ случаяхъ давалась на проѣздъ.

По возвращеніи Григорія Александровича изъ Швеціи онъ не имѣлъ болѣе удвора той пріятности, какою поль-

⁽³³⁾ Было написано прежде „мѣсяцовъ“. П. Б.

⁽³⁴⁾ Въ другихъ извѣстіяхъ о кн. Потемкинѣ обыкновенно говорится, что онъ былъ посланъ курьеромъ въ Швецію еще въ 1762 году съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Екатерины II-й. П. Б.

зовался до отбытія своего, но однакожъ всегда былъ уважаемъ. Привязанность его къ военной службѣ при семъ случаѣ не была больше развлеченною; онъ не пропускалъ ни одного полковаго строя, чтобы на ономъ не быть и вникалъ въ практику тактики съ прилежаніемъ; между тѣмъ получилъ онъ по старшинству чинъ камеръ-гера, и особенная къ нему милость монархини ознаменована при семъ, ибо въ сей чинъ поступилъ онъ послѣднимъ⁽³⁵⁾.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ ИЗЪ ПОХОДА ВЪ ХИВУ (*).

VI.

1-го Генв. 1840. Сѣновымъ годомъ! День славный; вчера я сегодня градусовъ 10—15, тепло; снѣгъ не идетъ, вѣтру нѣтъ. Снѣгъ однакоже ужасно глубокъ: Богъ вѣсть, какъ протащимся съ орудіями, большими и ящиками. Дай Богъ, чтобы мы могли сдѣлать по 10 верстъ въ день. Вѣроятно выступимъ дня черезъ три. Вчера опять ушло у насъ четыре Кайсака, Семиродца, это всего выходитъ 24 человекъ; поймать ни одного не удалось доселѣ; хотъ бы разстрѣлять какого набудь бѣглеца, такъ бы можетъ быть стали трусить. В. А. сегодня очень разстроены, не спалъ всю ночь и много беспокоится. Я все говорю алахъ-керимъ, Богъ милостивъ, и Русскій Богъ великъ; дойдемъ хорошо, сдѣлаемъ дѣло и воротимся благополучно. Мы доселѣ сдѣлали нѣсколько менѣе 500 верстъ въ 32 дня, а отсюда пойдѣмъ еще вдвое медленнѣе. Бизановъ, который выступилъ четвертаго дня съ своей колонной, проходилъ первые два дня по пяти и по семи верстъ. Пѣхота пашетъ по колѣна въ снѣгу. Всѣ Кайсаки говорятъ, что отъ роду такого снѣгу

⁽³⁵⁾ ? П. Б.

(*) См. выше, стр. 400—431.

здѣсь не запомнятъ; обыкновенно по сю сторону Сырта Буссага, который раздѣляетъ вершины Илека и Эмбы, зима бываетъ несравненно мягче и снѣгу бываетъ гораздо меньше, чѣмъ у васъ; теперь на оборотъ. Вы ждете снѣгу, а мы отрываемся лопатами. Наша колонна шла въ походъ такимъ порядкомъ: лѣвый флангъ верблюдовъ въ десять рядовъ или нитокъ; впереди, для порядку, по одному казаку на каждый рядъ, а иногда и на каждые два ряда. Правая колонна или флангъ также; въ срединѣ паркъ, за нею штабъ, за нимъ лодки, церковь, артиллерія; впереди парка артиллерія, впереди ея авангардъ 1-го полка. Нельзя впрочемъ не признаться, что иногда, особенно въ началѣ, было много путаницы, и долго не могли привыкнуть останавливаться тѣмъ же порядкомъ и выступать также. Теперь всякій знаетъ свое мѣсто; кибитка корпуснаго командира становится въ самой срединѣ за паркомъ и выдвигается впередъ; за нею каюты кампанія и кухня; по обѣ стороны: влѣво стоятъ дежурный штабъ офицеръ, дежурство и прочее, вправо мы. Теперь прибыли къ намъ въ палатку еще два генерала: командиръ пѣхотой Толмачевъ, и кавалеріей Цюлковскій. Они, кажется, станутъ на правомъ флангѣ, подлѣ дежурства. Скажу вамъ еще частное и собственное мнѣніе мое: мы весною воротиться не можемъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался. Во всякомъ случаѣ обратный путь будетъ по моему безъ всякаго сравненія легче и удобнѣе; мы можемъ идти порознь, разными дорогами и малыми частями. Мнѣ кажется, что мы, вопреки всякому расчету, отвѣдаемъ Хивинскихъ дынь, а можемъ быть и винограду. Вы видите, что я говорю откровенно, что думаю, поэтому и вѣрьте, что я вообще отъ васъ ничего не скрываю; В. А. позволилъ писать мнѣ *все*, и письма эти почти тоже, что дневникъ мой.

4-го Генв. Довольно холодно; 22°, но ясный, солнечный день. Изготовилъ до 150 коекъ для больныхъ, которыхъ будутъ подвѣшивать на верблюдовъ; пересмот-

рѣлъ стьянки и банки по должности дворецкаго — все полопалось, вино, трюфли, морсь, прощай! Даже портвейнъ и мадера высадили въ боченкахъ дно. Говорятъ, если правда, что у Цюлковскаго все цѣло: вотъ что значить хозяинъ, и вотъ какая разница въ хозяйствѣ хозяина и бурлака. Впрочемъ, все у насъ было обшито кошмами: не знаю, въ чемъ сила. В. А. уѣхалъ вчера еще въ укрѣпленіе къ Геку, и пишетъ письма; Никифоровъ и Ханниковъ живутъ тамъ постоянно, Артюховъ являлся туда ежедневно, чтобы поѣсть свѣжаго хлѣба и напиться квасу; я въ теченіе двухъ недѣль навѣдывался туда, по дѣлу, раза два-три. Муллу произвели заурядъ въ хорунжій, онъ ходитъ съ темлякомъ; Чихачевъ вздумалъ чистоцлотничать сегодня, вытереться спиртомъ, да хотѣлъ погрѣть огромное полотенце, съ простынью, обмакнувши его въ спиртъ — огонь вспыхнулъ, и мы едва не сожгли юламу свою, насилу выкинули тряпку въ снѣгъ.

5-го Генв. На дняхъ отданъ приказъ, чтобы всѣ офицеры покидали здѣсь въ укрѣпленіи всѣ излишнія тяжести, все безъ чего только можно обойтись, потому что иначе, быть можетъ, принуждены будутъ по недостатку верблюдовъ кинуть добро свое путемъ на распутиѣ. Почему же и не такъ? Въ Турціи гевальдигеры жгли, по приказанію главнокомандующаго, всякую лишнюю, т. е. всякую повозку, когда строго велѣно было вѣзмъ итти на вьюкахъ, но не могли истребить всего обоза: много телѣгъ перешло за Балканъ — и виноваты, въ томъ числѣ и наша. Двѣ вещи своихъ мнѣ было некуда, и чѣмъ жечь ихъ самому, я рѣшился тогда предоставить дѣло это судьбѣ и оберъ-гевальдигеру. Кто изъ нихъ былъ милостивѣе, не знаю; но мы съ Зейдлицемъ сохранили телѣгу свою. Здѣсь пное дѣло; мы поднялись съ мѣста на вьюкахъ, всѣ знали, что лишняго брать нельзя, и всѣ мы знали кромѣ того, что насъ будутъ кормить готовымъ. У меня бросать нечего; на шт. офицера полагалось при выступленіи два верблюда, а я занялъ своими вещами одного. Но тулушь, та-

ганъ, котелокъ, ведро, топоръ, лопата, чайникъ, треноги, арканъ и всякая, неизчислимая, но необходимая дрянь накопляется и—смотришь—выходить тотъ же выюкъ. Тутъ еще овса выдадутъ вдругъ на нѣсколько сутокъ, да сухарей людямъ, да наберешь сѣнца, да дровецъ—и бѣдный верблюдъ кряхтитъ и рычитъ подъ ношей, а убавить нечего. Удивительно, какъ дрянь эта накопляется въ походѣ, и какъ она необходима. Напримѣръ, у человѣка излишняя кошомка, дрянная, узодранная, но она грѣетъ, если ею укроешься въ 25° морозу, и грѣетъ, если ее подстилать подъ себя; и кто рѣшится ее кинуть? Вотъ какъ поидемъ, завоевавши ханство, домой, тогда облегчимся: тулуповъ и теплыхъ сапогъ не надо, кинемъ ихъ; овса лошадямъ не нужно, сѣна не нужно, муки верблюдямъ не нужно, дровъ таскать не нужно, ни теплыхъ постелей и покрываль, и прочее и прочее.

6-го Генв. Погрузили крестъ въ Эмбу, освятили буюрманскія воды, палили изъ пушекъ. Священникъ нашъ молодой вдовецъ, лѣтъ двадцати не съ большимъ, благочестивый, доброжелательный и всѣми уважаемый. Онъ стоялъ въ бѣлой какъ снѣгъ ризѣ, на бѣломъ снѣгу, и солнце генварское ярко играло на золотыхъ галунахъ. День ясный и теплый, 10°. На дняхъ генер. Молоствовъ стрѣлялъ въ цѣль, Уральцы изъ винтовокъ своихъ били также не совсѣмъ плохо: на 100 и 150 шаговъ. Скоро и я буду походить на Уральяца: я не брился со дня выступленія изъ Оренбурга и не намѣренъ бриться до возвращенія: на походѣ, да еще зимой, заниматься этимъ скучно. Скоро напишу вамъ, къ какому разряду изъ всѣхъ бородъ принадлежитъ борода моя: длиннѣе ли она, лопатой ли, вѣшникомъ, вѣромъ или хохолкомъ. Верблюды наши худѣютъ — перенеси Богъ; но иначе и быть не можетъ; зимняя тебеневка можетъ по нуждѣ поддерживать скотину, кой-какъ, но откормиться на ней скотина не можетъ. При выступленіи отсюда, верблюды по необходимости бу-

5

дутъ сутки полторы не ѣвши; они ходятъ верстѣ за 20, ближе нѣтъ кормовъ; ихъ пригоняютъ сюда съ утра, здѣсь они переночуютъ, на другой день навьюченные должны они еще сдѣлать хоть небольшой переходъ и удовольствоваться потому неизмѣнно—тощимъ кормомъ, потому что снѣгъ завалилъ все. Лошадямъ идетъ по 5 ф. сѣна, и по 4 и 5 гарнцевъ овса. Этого довольно. Я не ковалъ лошадей своихъ вовсе и очень этимъ доволенъ: снѣгъ не набивается подъ копыта, и лошади, непривычной къ ковѣ, легче. О Хивинцахъ нивакого слуху: словно сгинули. Тяжело будетъ намъ пройти еще верстѣ 200, т. е. до Усть - Урта; тамъ, поднявшись, найдемъ много дровъ, найдемъ и корму для верблюдовъ и, вѣроятно, поменѣе снѣгу. Бывалые люди увѣряютъ, что мы ни подъ какимъ видомъ не найдемъ въ Хивѣ, въ цѣломъ ханствѣ, достаточное для себя продовольствіе, а что необходимо будетъ требовать подвозу изъ Бохары. Я тоже такъ думаю, и думаю, что изъ Бохары, если просить объ этомъ не застѣнчиво, могутъ доставить довольно. Каракалпаки могутъ снабдить насъ говядиной, а Туркмены верблюдами. Мы придемъ въ Хиву къ веснѣ; вѣроятно хозяевамъ не много удастся посѣять, и гости еще менѣе того пожнутъ. Пора не земледѣльческая, година брани. Я говорилъ уже вамъ, что на дняхъ попытался сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ огнями, по условленному порядку. Такъ какъ это случилось въ первый разъ, то В. А. послалъ увѣдомить о томъ всѣхъ начальниковъ, чтобы они не прозѣвали ракеты. На другой день одинъ подалъ мнѣніе свое, что было бы необходимо имѣть какой нибудь сигналъ, означающій: „больше сигналовъ въ эту ночь не будетъ“, чтобы избавить людей отъ труда караулить ихъ. Это очень походитъ на извѣстный анекдотъ о какомъ-то гордоничемъ или губернаторѣ, который отдалъ приказъ, чтобы пожарныя трубы всегда были запряжены за полчаса до пожара.

РУССКІЙ АРХИВЪ. 20

8-10 Гени. Скука начинается одолживать насъ: все еще стоимъ на мѣстѣ, стоимъ еще оттого, что намъ, для уничтоженія укрѣпленія при Акъ-Булакѣ, надобно поднять оттуда все и въ особенности больныхъ и препроводить ихъ безопасно сюда, на Эмбу; и будутъ передавать, по пересылкѣ, одинъ отрядъ другому, и потому надобно рассчитать время такъ, чтобы каждый выступилъ въ пору. Между тѣмъ неповѣрно глубокіе снѣга замедляютъ ходъ, Чижевъ пришелъ въ Акъ-Булакъ вѣроятно только 3-го или 4-го. Скажу вамъ правду, В. А. заботами, бессонницей и тьмою хлопотъ и затрудненій, а пуще всего именно заботами о будущемъ, очень разстроены. Тутъ, кажется, немножко не правы тѣ, которые старались убѣждать его всегда, что затрудненій и препятствій быть не можетъ, и что весь походъ этотъ будетъ прогулкой. Нѣтъ; я не велика спица въ колесницѣ, и не мнѣ бы объ этомъ судить, но я всегда былъ вовсе противнаго мнѣнія и доселѣ все еще удивляюсь, какъ все идетъ хорошо, и какъ мало встрѣчаемъ мы препятствій. Развѣ доселѣ подобный походъ не считался почти несбыточнымъ? Развѣ не одно только крайнее предусмотрѣніе и необыкновенные средства и способы могли дать возможность предпринять его? Развѣ кто нибудь изъ насъ не зналъ, что мы должны пройти болѣе десятой доли четверти круга земнаго по буранамъ, необитаемымъ пустынямъ, покрытымъ снѣгомъ, ограничиваясь собственными средствами и не ожидая ни отъ кого почти никакой помощи? Развѣ не знаемъ и не видали мы, какъ люди голодаютъ, болѣютъ, гибнутъ, какъ постигаетъ всякая военная невзгода войска, среди земель Европейскихъ, гдѣ казалось бы есть всѣ средства избѣгнуть всякой подобной бѣды? А между тѣмъ настоящей походъ не можетъ равняться ни съ какимъ другимъ походомъ — это иное дѣло. Стало быть, мы все это знали, на все это готовились и не должны удивляться теперь ничему.

Говорятъ: да теперь, можетъ быть, всѣ верблюды падутъ, мы останемся безъ подъемныхъ средствъ, у насъ выйдетъ продовольствіе, мы его всего беремъ на шесть недѣль; въ Хивѣ мы его не найдемъ, люди всѣ переболѣютъ, и прочее, и прочее. Отвѣчаю опять тоже: все это можно и должно было предвидѣть; противъ всего этого взяты заблаговременно всѣ возможные мѣры, — а чего предупредить нельзя, то во власти Господней. Насъ можетъ поглотить и землетрясеніе; но вѣроятно ли это, хоть сколько нибудь? Нѣтъ. Такъ и то; трудностей будетъ много, но мы ихъ, дастъ Богъ, одолѣемъ. Верблюды не могутъ никогда часть вдругъ; потеряемъ въ теченіи пути треть, ну половину — и дойдемъ на остальныхъ; оставимъ часть людей и сложимъ часть продовольствія, котораго не въ силахъ поднять, пойдемъ дальше и сдѣлаемъ свое. А чтобы можно было кончить все это и воротиться весною въ Оренбургъ — этому я никогда не вѣрилъ, и молчалъ, чтобы не быть зловѣщимъ пѣтухомъ. У насъ здѣсь о сю пору надѣются и самъ В. А. не вѣритъ, чтобы мы не воротились весной — а я остаюсь при своемъ. Надо приготовить продовольствія, которое можемъ получить только изъ Бохары — чему также не только вѣрить; надобно достать верблюдовъ у Туркменъ и Кайсаковъ (у Каракалпаковъ ихъ нѣтъ), а на нашихъ верблюдахъ мы воротиться не можемъ: весной скотина тоща, особенно послѣ зимняго похода. Надобно кончить политическія дѣла; не только въ Хивѣ, но вѣроятно и съ Туркменами — словомъ, это не игрушка. Но все это, я увѣренъ, сдѣлается; только на это нужно время. Если бы я былъ здѣсь нуженъ, или въ особенности полезенъ — я бы не жалѣлъ о томъ, что покинулъ престарѣлую мать и малолѣтнихъ дѣтенышей; а какъ я считаю себя почти излишнимъ, потому что каждый грамотный человѣкъ могъ бы написать 12 или 15 номеровъ бумагъ, которыя у меня о сю пору вышли, то по одному только этому иногда не-

вольно вздыхаю по своимъ. Вотъ почему и отнюдь не хотѣлъ быть въ числѣ *охотниковъ*, хотя и пошелъ охотно, когда сказано было: иди. Личная привязанность и благодарность моя за много добра заставляли меня почти желать, чтобы я при назначеніи этомъ не былъ обойденъ; а увѣренность, что во мнѣ не можетъ быть никакой нужды, побуждала отвѣчать на вопросъ: хотите ли идти? — Какъ прикажете, какъ угодно.

Посланные впередъ для развѣдокъ Кайсаки привезли отъ Бизянова, изъ передоваго отряда, хорошія вѣсти: глубокой снѣгъ лежитъ только на четыре перехода отсель, а тамъ его меньше, и тебеневка изрядная. Кузминскій, слѣдующій за Бизяновымъ, вопіетъ еще отчаяннымъ гласомъ, но вѣроятно и онъ вскорѣ выберется изъ сугробовъ и оправится. Здѣсь всѣ бросили излишнюю поклажу свою; все укрѣпленіе завалено. Мнѣ остается только бросить ящики, которые вѣсятъ до 3-хъ пудовъ и переложить бѣлье и платье въ шшовъ — поклажи лишней нѣтъ. Иные оставляютъ здѣсь даже бѣлье, берутъ съ собою дюжину и даже менѣе рубахъ — на это я не рѣшаюсь; кинуть, такъ кину на дорогѣ, гдѣ придетъ раздорожница, а бѣлья здѣсь не брошу. Судьба хранила меня доселѣ отъ всякихъ плотоядныхъ набѣговъ шестиногой пѣхоты, но у многихъ изъ товарищей моихъ большой и указательный персты правой руки исправляли должность удочки и таскали по вечерамъ бѣлорыбицу изъ подъ воротника рубахи.... Я увѣренъ, по опыту, что никогда и ни въ одномъ походѣ Русскій солдатъ не ѣлъ такъ хорошо и сытно, какъ нынѣ здѣсь; между тѣмъ имъ все мало. Ъдятъ какъ акулы, а работаютъ какъ мухи; они походятъ на какихъ-то институтокъ, не видавшихъ отроду ничего и не умѣющихъ заботиться ни о чемъ. Все имъ въ диковину; вѣрите ли, не умѣютъ разложить огня и сварить каши, не умѣютъ сладить съ камышемъ и князкомъ, не умѣютъ зарѣзать коровы, заколоть барана. Кто ихъ нянчилъ и делѣялъ, кто началъ ихъ и прибаюки-

валъ? Уральцы молодцы; ихъ суютъ всюду, и всюду они успѣваютъ, и вездѣ ими довольны. Отборные Башкиры Цюлковскаго также молодцы; дивизионъ 1-го полка воюетъ съ Кайсаками, отбиваетъ въ отрядъ верблюдовъ, гдѣ можетъ, и говорить, что покажетъ себя въ дѣлѣ. Впрочемъ, майоръ Давыдовскій, командующій имъ, прекрасный, благородный, заботливый человекъ; жаль только, что онъ самохваловъ не оставилъ въ Уфѣ. — Уральцы не съѣдаютъ казенной дачи, а линейные баталіоны, стоя 3 недѣли здѣсь на мѣстѣ, не могутъ утолить голода никакими средствами; что же будетъ, когда пойдемъ на половиной дачѣ? Впрочемъ, надобно сказать правду, отъ безпорядку при раздачѣ и по другимъ причинамъ, всякое стараніе, всякая забота главнаго начальника дѣйствуетъ не рѣдко въ превратномъ смыслѣ или видѣ, и никакой глазъ не можетъ усмотрѣть тутъ за порядкомъ во всѣхъ частностяхъ.

Завтра, 10-го, идемъ непременно. В. А. остается еще здѣсь на нѣсколько дней и догонитъ насъ; колонна Гека также еще остается. Морозы опять поправились; дня три все по 25°, но въ полдень солнце удивительно грѣетъ. Спасибо, нѣтъ вѣтру. Только бы до Усть-Урта, какихъ нибудь 250 верстъ, а тамъ не болнся ничего. Да, если бъ послушали меня глупаго, говаривала нянька Соломонида, были бы разумны; зимою надобно было идти на Гурьевъ или Сарайчикъ; только весной или осенью эта дорога предпочтительна. *Mađry liasz poŝcodzie*. Слава Богу, добрыя вѣсти отъ Бизянова, изъ передовой колонны, развеселили нѣсколько и В. А.; въ самомъ дѣлѣ, не бездѣлица вести на свой отвѣтъ столько народу!

Вечеромъ. Былъ въ укрѣпленіи, въ этой Капуѣ, и наглядѣлся всякой всячины. Примите къ свѣдѣнію, что при этой массѣ движущихся силъ, никогда не можетъ дѣло обойтись безъ всякихъ безпорядковъ, сколько начальникъ ни хлопочи, хоть онъ разорвись. Тутъ не только виноваты виноватые, но иногда и не виноватые; виноватъ случай и сплетеніе обстоятельствъ, на примѣръ:

при новомъ разчетѣ верблюдовъ койкого забыли вовсе. Тутъ съ большимъ ожесточеніемъ и настойчивостію требуютъ изъ укрѣпленія въ отрядѣ 30 пудовъ сала, комендантъ плачетъ и отдаетъ послѣдніе 25 пудовъ; вѣшаютъ его, казакъ отмораживаетъ себѣ при этомъ палець, и лишь только сало это, взятое почти съ бою, привозится въ колонну, какъ уже возвращается назадъ, потому что въ колоннѣ отыскалось 100 пудовъ сала, о которыхъ по видимому позабыли. Не одно сало впрочемъ, и сухожильное мясо съ костями отыскивается иногда такимъ же образомъ: въ какомъ-то невѣдомомъ углу укрѣпленія, въ темной землянкѣ, нашлись сегодня 22 человѣка слабыхъ 1-го баталіона, о которыхъ также историческихъ, статистическихъ и географическихъ свѣдѣній не отыскалось. Ктожъ васъ продовольствовалъ? спросилъ я. — Да мы посылали каждый день человѣкъ трехъ, которые по крѣпче, и имъ отпускали, по маленьку, всего.... — — Жаль, что въ отрядѣ недостаетъ многихъ лицъ и мѣстъ, къ которымъ привыкли на походѣ всегда по разнымъ дѣламъ обращаться, зная уже, гдѣ и у кого чего искать. Нѣтъ начальника-штаба, оберъ-квартирмейстера, оберъ-провіантмейстера и многихъ другихъ. Кромѣ того — позвольте сказать между нами правду — время немногихъ, людей нѣтъ....

11-го. Вчера, поздневно, сдѣлано было окончательное распоряженіе о непремѣнномъ выступленіи. У укрѣпленія осталось много сѣна; можно бы было прокормить ночью верблюдовъ и выступить сегодня въ порядкѣ, но сборъ пробилъ въ часъ и вскорѣ начали выступать. Всего приходилось пройти намъ до ночлегу версты двѣ, но давно уже смеркось, какъ, отъ безпорядку и излишняго порядка (то и другое одинаково неудобно) сотни выюковъ и верблюдовъ лежали еще на мѣстѣ и сотни валялись растянувшись на цѣломъ пути. Такимъ образомъ мы нынѣ повѣряемъ и считаемъ верблюдовъ и держимъ ихъ — со времени пригона съ

пастбища — двое сутокъ тощаконъ. Если такъ будемъ идти, то не дойдемъ; въ этой печальной истинѣ я вчера только, съ сокрушеннымъ сердцемъ, долженъ былъ убѣдиться. Но въ этомъ случаѣ погубить насъ не морозы, не снѣга, не трудность пути, а погубить двѣ крайности: одна лежитъ по одну сторону, другая по другую сторону порядка, этой души всякаго дѣла. Надобно во всемъ этомъ винить случай, трудность и новизну дѣла, трудность управления частями и цѣлымъ и сотни неустраняемыхъ помѣхъ. Довели, на примѣръ, главноначальника до того, что онъ хочетъ кинуть все, весь обозъ свой и, по собственнымъ словамъ его, записаться въ солдатскую артель: такой недостатокъ, говорятъ, въ верблюдахъ; а между тѣмъ вдругъ оказываются ихъ сотни лишнихъ подъ юлламами и разною дрянью возчиковъ-Кайсаковъ. Ну, полно объ этомъ; много будете знать, скоро состарѣетесь... Поговоримъ о другомъ. Папа Пій VII-й вздумалъ угостить Эверсмана и другихъ спутниковъ кофеемъ и сказалъ своимъ языкомъ казаку: тамъ слышь, лежитъ въ бутылкѣ кофе, сдѣлай. Казакъ сварилъ кофе, принесъ его, гости стали наливать, положили и сахару, прибавили сливокъ — вкусно, говорятъ, довольно странный и совсѣмъ не кофейный; нюхаютъ, прихлебываютъ — наконецъ приказываютъ принести бутылку, и оказывается, что казакъ сварилъ кофе изъ сухой ваксы....

Да, безначаліе худо, а многоначаліе мало лучше. Это то же многоженство. В. А. остался еще на время въ укрѣпленіи. Начальники колоннъ были при выступленіи: Цюлковскій, Кузминскій, Толмачевъ и Мансуровъ; на мѣсто послѣдняго поступилъ давно уже Молоствовъ; къ Кузминскому въ колонну отправился, еще съ Эмбы, генер. Толмачевъ. У насъ въ колоннѣ междуцарствіе. Ушли колонны: Бизянова и Кузминскаго, и за нами выступаетъ Геке. Снѣгъ глубокъ, почти по колѣни, кормы покрыты, а верблюдъ кормится только тѣмъ, что сверхъ снѣгу; онъ не можетъ

разгребать снѣгъ мягкими перстами своими и пяткой, какъ лошадь копытомъ. Я нѣсколько разъ говорилъ, еще во время стоянки нашей на Эмбѣ, что по нынѣшнему состоянію верблюдовъ необходимо уменьшить вьюки; теперь, кажется, опытъ заставить приступить къ пересыпкѣ провіанта для уменьшенія тяжести. Не дай только Богъ оттепели— тогда бѣда; морозы снова приударятъ, и снѣга покроются черепомъ: вся скотина пропала; ноги верблюдамъ подрѣжетъ, а корму нѣтъ тогда вовсе. Теперь идемъ рядами, нитками, рядовъ въ пять, глубокими тропинками, протоптанными передовыми верблюдами; какъ верблюдъ ступитъ въ глубокой снѣгъ, съ жесткой тропы, такъ и полетитъ и уже рѣдко встаетъ. Вьюки пригнанные здѣсь, въ укрѣпленіи, сдѣланы дурно, не впору, ни по сѣдлу, ни по верблюду, сваливаются, душатъ верблюда: очень естественно, этотъ родъ вьюченья съ кляпами, очень хорошъ, если пригнать тщательно каждый вьюкъ отдѣльно; въ противномъ случаѣ не годится, а гораздо лучше вьючить по киргизски, съ завязкой. Объ этомъ докладывалъ я, когда только узналъ, что дѣлаются въ укрѣпленіи вьюки; дѣло кончилось бесѣдою, а теперь бѣда. О Хивинцахъ ни слуху, ни духу. Лошади всѣ въ отличномъ тѣлѣ, какъ были выкормлены въ Оренбургѣ. Вынеси Господь насъ на Усть-Урть; тамъ дойдемъ, дастъ Богъ; снѣга не могутъ быть тамъ глубоки, какъ здѣсь. Но сю пору офицеры у насъ всѣ здоровы, что будетъ впередъ!

Въ укрѣпленіи жгли мы, и гарнизонъ частью, башкирскія телѣги, ихъ остались тутъ тысячи; а если бъ вы видѣли, сколько тутъ брошено желѣза, шинъ, рваней, право страхъ сказать: вся степь пли вѣрнѣе весь лагерь заваленъ. Вчера, 13-го, послѣдовалъ приказъ о назначеніи Цюлковскаго командующимъ колонной вмѣсто захворавшаго Молостова. Сегодня опять считали верблюдовъ, днева; такъ считали, никакъ, сыновъ Израилевыхъ въ пустынѣ. Кули, благодаря Бога, пересыпаютъ. Вчера я было со-

всѣмъ разклепался, сегодня мнѣ хорошо, только поясница болить; но это болѣзнь на походъ скучная, да не опасная. Вчера сдѣлали мы всѣ пятеро въ юламъ своей вокругъ огонька, и Л. насъ ужасно насмѣшилъ и распотѣшилъ. Въ чайникѣ нашемъ была водка; выливши ее, мы положили въ него снѣгу, чтобы выполоскать, и поставили на огонь. Л. ничего этого не зная взвылъ по верблюжьи и зарычалъ львомъ, когда голубое пламя внутри чайника стало пробѣгать по снѣгу. Мы съ своей стороны отвѣчали преспокойно, что это не диво и что здѣшній снѣгъ всегда горитъ. *Ist es möglich? Wäre es möglich? Das wäre doch des Teufels* — словомъ, у нашего ученаго умъ за разумъ зашелъ; онъ началъ доказывать, что въ снѣгу могутъ находиться горючія частицы щелока, и тому подобное, выскочилъ сломя голову изъ юламы, ухватилъ, какъ вдохновенно бѣснующійся, комъ снѣгу и поднесъ его къ огню — но снѣгъ не загорался; рѣшено было, въ общемъ собраніи, что снѣгомъ топить нельзя, а надо запасаться дровами. Смѣшной случай этотъ напомнилъ мнѣ другой, подобной анекдотъ, видѣнный и слышанный мною у старика Паррота; онъ показывалъ намъ какой-то физическій опытъ и указывалъ всѣмъ на желѣзную трубочку, изъ которой вода должна ударить; началъ качать, качаетъ, качаетъ — воздухъ шипитъ, а воды ни капли. Старикъ обошелъ насосъ со всѣхъ сторонъ, осмотрѣлъ его, удивлялся, но счелъ наконецъ обязанностію объяснить ожидающимъ развязки ученикамъ причину неожиданнаго явленія, и прочелъ очень ученое слово о барометрическихъ, термометрическихъ и игрометрическихъ влѣніяхъ на насосы. Не успѣлъ однакоже кончить его, когда рабой и кривой прислужникъ его, знаменитый Кристьянъ, перебилъ его преспокойно, замѣтивъ, что вода еще не налита. На дневкѣ сегодня поиграли мы съ Коваленскимъ и Сафоновымъ немного въ шахматы, но они оба слабенъки. Между тѣмъ другіе поднесли Л. баранью башку, увѣряя его, что это голова диваго осла, найденная на древ-

немъ полѣ сраженія. Хорунжій Мулла-Нуръ между тѣмъ препоясывалъ чресла своею мечемъ — кладенцемъ, чтобы явиться къ новому начальнику, отцу и командиру своему.

VII.

18 *Гисв* На вчерашнемъ переходѣ встрѣтили мы больныхъ нашихъ съ Акъ-Булака. У меня сильно болитъ поясница, и я не могу еще сѣсть верхомъ, и лежалъ въ койкѣ на верблюдѣ; поэтому и не могъ самъ видѣть больныхъ, но, говорятъ, было страшно. Изъ Акъ-Булака отправлено ихъ 232 человѣка, а на дорогѣ, въ шесть дней, умерло изъ нихъ 46. Все цынга. Разумѣется, что тѣ, которые скончались дорогою, не долго прожили бы и въ цынготныхъ землянкахъ своихъ, въ Акъ - Булакѣ; а кто вынесетъ переходъ этотъ, можетъ надѣяться выздоровѣть. На Эмбѣ имъ будетъ лучше, они будутъ жить въ кибиткахъ. Дай Богъ скорѣе дотащиться. На Усть - Уртѣ — бывало столь страшномъ — мы отдохнемъ. Не можетъ же быть, чтобы тамъ былъ такой снѣгъ. Здѣсь верблюдовъ посылаютъ на тебевку съ лопатами, расчищаютъ напередъ снѣгъ. Коваленскій, о которомъ у васъ разнеслись какіе то нелѣпые слухи, ждетъ насъ въ Акъ Булакѣ, но, говорятъ, самъ боленъ. Моей болѣзни не пугайтесь; она мнѣ крайне надобна, это правда, но звѣстный Drachenschuss, столь страшный по прозванію, какъ сами вы знаете, никогда не бываетъ опасенъ.—У насъ появилась дойная верблюдица; молоко очень хорошо, густо какъ слявки и солоно.

22-го. Прошли знаменитыя горы Бакыръ и Али; до Акъ-Булака осталось намъ не болѣе 45 верстѣ. Что за пустынный печальный край! Здѣсь лѣтомъ одно только сухое море. Мысль цѣпенѣтъ, когда глазъ обнимаетъ на безконечное пространство сухую, чахлую, безводную и неплодную почву. А зпмой! Въ продолженіи двѣнадцати дней, съ самаго выступленія съ Эмбы, мы два только раза могли напоить лошадей;

одинъ разъ въ дурномъ, солонгорькомъ озерѣ и вчера, у подошвы горы Али изъ родника, бѣднаго, но прѣснаго, хоти и наштапнаго гипсомъ. Верблюдовъ водятъ пасти съ лопатами, разгребаютъ для нихъ снѣгъ; но силъ человеческихъ не достаетъ на то, чтобы разгresti достаточное для нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ пространство; снѣгъ глубокъ, жестокъ, смерзъ и окрѣпъ, и притомъ спросите, что подъ снѣгомъ этимъ?—обвѣтрившійся мергель, гипсъ, сврая вака, желѣзистая, разсыпная, и еще солонватый илъ; чернозему ни зерна. Ковыль (stipa) по сю сторону Эмбы является только изрѣдка на сопкахъ пригорковъ, а въ полѣ горькія полыни, бѣдныя, мелкотравчатыя, да уродливыя солянки, разсыпаны тутъ и тамъ нещедрую рукою, не могутъ покрыть собою ни одного фута земли. Это край, который лежитъ въ пустѣ цѣлыя столѣтія, вѣроятно тысячелѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ обнажился отъ морскихъ волнъ. Кочевой Ордынецъ раннею весною торопливо и боязливо прогоняетъ по этимъ мѣстамъ тощія стада и табуны свои, поспѣвая на Эмбу, въ Барсуки или въ Каракумъ, и считаетъ сыпучіе пески отряднымъ убѣжищемъ въ сравненіи съ этой могилой... О Хивинцахъ ничего положительнаго не слышно; говорятъ, будто они выжидаютъ насъ у Каратамака, у Давлетъ-Гирен. Я этому не вѣрю; они не могутъ держаться столько времени на одномъ мѣстѣ, не могутъ заpastись продовольствіемъ. Говорятъ, у Акъ-Булака появляются по высотамъ конники и высматриваютъ чтѣ дѣлается; это можетъ быть. Для этого непріятель могъ оставить по дорогѣ полсотни двуконныхъ набздинокъ. Конечно надобно быть болѣе нежели скотомъ, чтобы не сдѣлать даже и этого; и журавли, и гуси, и олень ставятъ сторожей по высотамъ, чтобы не поддаться распаху. Десять дней уже, какъ мы разлучены съ В. А.; сегодня опъ долженъ прибыть къ намъ, слава Богу. Опъ обрадуется: мы идемъ довольно хорошо, кидаемъ въ одной нашей колоніи—ежедневно отъ 8 до 20

верблюдовъ, это правда; но благодаря Бога, двигаемся впередъ. Весь путь уснаенъ падшими подъ ношей своей животными двухъ передовыхъ колоннъ. Въ Акъ-Булакъ есть сѣно, изъ Акъ-Булака близко, не съ большимъ 400 верстъ, до спуска съ Усть-Урта, и на этотъ путь намъ достаточно половины верблюдовъ, съ которыми вышли. Сей часъ закричали, что В. А. ѣдетъ; молодцы наши глядѣли въ зрительныя трубы и увидали, какъ онъ спускался съ горы. Кругомъ въ лагерѣ козаки и солдаты запѣли пѣсни. Онъ выѣхалъ изъ укрѣпленія съ Бай-Мохамедомъ, надѣясь нагнать насъ дня въ два; между тѣмъ мы ушли благополучно впередъ, и онъ былъ нѣсколько дней въ крайней нуждѣ: кромѣ черныхъ сухарей не было ничего. Вчера мы послали ему на встрѣчу мяса, вина и нѣсколько полнѣй дровъ. О себѣ онъ всегда подумаетъ послѣ всѣхъ!...

28 *Акъ-Булакъ*. Какая огромная, неповѣрная разница въ теплѣ, и вѣтромъ или безъ вѣтру на свѣтѣ жить! Три дня жили мы здѣсь, по 19°, 20°, 22°, морозу и сильный NO вѣтеръ, безъ вьюги; нельзя было вынести этого холоду, и никакой огонь не спасалъ; продувало всѣ шубы и всѣ кибитки. Сегодня тѣже 19°, но ясно, тихо—и мы ходимъ въ однихъ курточкахъ, и маленький огонекъ, на который искололи нѣсколько опорожнившихся ящичковъ, грѣетъ какъ нельзя лучше. 10-го мы наконецъ вышли изъ Аты-Якши, между тѣмъ какъ Бизяповъ съ колонной своей выступилъ 2-го, а Гесе послѣ насъ, кажется 16-го. Переходъ былъ труденъ: какихъ нибудь 170 верстъ или меньше, мы насилу прошли въ 15 дней и прибыли сюда 25-го. Всѣ колонны шли также медленно...

На полути отъ Эмбѣ прошли мы препорядочную гору Бакыръ—мѣдь, по Русски, потому что тутъ есть и мѣдная руда. За тѣмъ протацились съ большимъ трудомъ чрезъ гору Али, въ снѣгу по колѣна. Орудія опять поставлены на колеса: на саняхъ тяжело, потому что въ такомъ непомятомъ снѣгу они орутъ, какъ плугъ, а колеса идутъ накатомъ, и

передъ ними не накаплиются горы снѣгу. 12-ти фунтовые идутъ въ 8 лошадей, и не рѣдко люди помогаютъ. Въ ящичкахъ идутъ верблюды и лошади; но вообще верблюдъ везетъ хорошо только по ровному, не топкому мѣсту. Одну Крымскую арбу оставили мы на Эмбѣ (Аты-Якши), другую изрубили дорогою на дрова; верблюды стали, а въ саняхъ идутъ изрядно, если сани легки. Погрѣлись мы около арбы этой и жгли рѣдкій издѣсь небывалый лѣсъ, какъ простую чапгу: яворъ, грабъ, букъ, кизыль, караичъ. Первые три недѣли мы, по глупости своей и по избытку совѣсти, жили безъ огня, безъ всякаго удобства; нынѣ все это измѣнилось къ лучшему: мы воруюмъ дрова и уголь не хуже всякаго. Взгляните на примѣръ въ эту минуту въ юллану нашу: на дворѣ еще свѣтлый день, а у насъ темная ночь, все кругомъ закутано и закрыто, ни щелки, ни дырочки; по срединѣ лежитъ желѣзная шина: это чувствуетъ нашъ или камиль; среди шины глѣдетъ изрядная кучка угольевъ, рядомъ лежитъ визанка сухихъ дровецъ, изъ окрашенныхъ ящичковъ и номерованныхъ броекъ, которыми хотѣли было отмѣчать верблюдовъ; по скоты эти всѣ захотѣли быть рядовыми, безъ отличія, и хвзяева ихъ, будучи тогоже мѣтня, оборвали съ нихъ въ первые два перехода всѣ знаки безпорочной службы...

Я писалъ вамъ, что укрѣпленіе на Эмбѣ довольно благовидно, землянокъ много, и они довольно опрятны; кровли и будки лубочныя, есть магазины, амуничники. Акбулацкое совѣмъ въ другомъ вкусѣ: большой, бастионированный редутъ разгороженъ валомъ и рвомъ и $\frac{3}{4}$ его покинуты; землянки бѣдныя, по стѣнамъ цвѣтеть селитра и магнезія; половина ихъ разломаны уже по недостатку дровъ и сожжены; словомъ, не грѣхъ покинуть укрѣпленіе это... Между тѣмъ дунулъ и потянулъ ночной вѣтерокъ отъ NO; это произвело небольшое разстройство въ угодьѣ и раздолѣѣ нашемъ. Юлламейка вдругъ остыла, и термометръ, показывавшій прежде на ящичкѣ моемъ 7°, стоитъ на —3°. Пока-

нужь писаніе, напились мы въ буфетѣ чаю и наслушались жаркихъ преній, споровъ о родствѣ и свойствахъ и происхожденіи знаменитѣйшихъ вельможъ нашихъ и столбовыхъ, столичныхъ дворянъ и гвардейскихъ разсказовъ объ актрисахъ. Сказать ли вамъ, между нами, что бы я сдѣлалъ теперь на мѣстѣ нашего старшаго? Намъ дорогъ каждый кусокъ хлѣба и каждый верблюдъ, который можетъ поднять какую нибудь ношу; больныхъ, какъ излишнюю тягость, на этомъ трудномъ походѣ отправляютъ обратно; съ ними-то выѣзжать, и отправилъ бы и всякую иную лишнюю. Пересчитайте хорошенько, и вы согласитесь, что ея довольно; тогда бы много штабъ и оберъ-офицерскихъ и денщикыхъ пайковъ пошли бы на строевыхъ, много верблюдовъ подъ сухари и крупу, облегчилось бы и сердце начальника также; заботою меньше. Мысль эта, можетъ быть, нѣсколько себялюбива, потому что я и себя считаю въ числѣ этой личности; но право, я говорю болѣе изъ любви къ пользѣ общей. Теперь слово о другомъ: нѣсколько нижнихъ чиновъ (изъ пѣхоты) умерли почти скоропостижно; ихъ схватываетъ подъ ложкой, дыханіе съ минуты на минуту болѣе затрудняется, иногда еще присоединяются корчи и — аминь. Арорехіа pulmonum? Кровопусканія временно облегчаютъ. Впрочемъ, я только видѣлъ ихъ мимоходомъ—пользуютъ другіе. Но я волей и неволей очень плачевнымъ образомъ попалъ во врачѣ. В. А. пріѣхалъ съ Эмбы очень нездоровый. Загадочная болѣзнь его возобновилась⁽³⁾. Что тутъ дѣлать, на походѣ, когда и на мѣстѣ ничего не помогало?

VIII.

3-го Февр. В. А. не уѣдетъ прежде чѣмъ не успокоится на счетъ общаго отправленія. Тутъ по крайней мѣрѣ у насъ есть хлѣбъ, и есть кой какія средства

⁽³⁾ Болѣзнь легкихъ, слѣдствіе тяжелыхъ физическихъ лишеній и ранъ, и отчаянная тоска. Гр. Перовскій и умеръ отъ этой болѣзни. Слич. Р. Арх. 1865, Изд. 2-е, стр. 1031.

и пособія въ рукахъ; напередѣ—одна гибель. У насъ теперь падаетъ до 150 и не менѣе 100 верблюдовъ въ сутки; это на мѣстѣ, безъ работы, что же было бы на походѣ? Долго мы обманывали сами себя, никто не смѣлъ думать, не только говорить о возвратѣ; я записалъ однакоже, самую мелкою и нечетвою рукой, въ записной книжкѣ своей, 10 го Января: въ первый разъ сомнѣваюсь положительно въ нашемъ успѣхѣ; верблюды такъ плохи, что не дойдешь. В. А. сильно колебался, сомнѣвался, допрашивалъ всѣхъ, допытывалъ всякаго; всѣ полагали, что идти надобно, что возвратиться никакъ и ни въ какомъ случаѣ нельзя, если бы даже положить головы; эту справедливость надобно отдать по крайней мѣрѣ большей части офицеровъ—и на этомъ основаніи отвѣчали всегда только увѣреніями и убѣжденіями; даже тѣ, которые сами были увѣрены въ невозможности, говорили безотчетно противное. Наконецъ, когда дѣло дошло до того, что надобно было двгаться впередъ, когда сосчитали верблюдовъ, сочли убыль и разочли, что надобно поднять—тогда горестная истина обнажилась и несбыточность заняла мѣсто надежды. Съ Эмбы пало у насъ 2000 верблюдовъ; скажу вамъ, не отвѣчая за истину этого, что говорятъ сами Кайсаки: до 1000 верблюдицъ между прочимъ ожеребились на походѣ, и естественно, что они уже изъ счету вонъ. Эти верблюдицы, равно и много плохихъ верблюдовъ, говорятъ Кайсаки, были подмѣнены послѣ того, какъ вы ихъ изволили осматривать; это, говорятъ они, случилось почти со всѣми верблюдами, которые съ наемщиками, а не съ хозяевами. Впрочемъ, повторяю, и лучшіе верблюды не выдержали, и къ веснѣ, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ еще слабѣе и худѣе до новаго подножнаго корму...—Убитые у Акъ-Булака Хивинцы доказываютъ собою, что сборы у нихъ были большіе; во 1-хъ, это не Кайсаки, а Хивинцы, Туркмены и Каракалпаки—ихъ отличаютъ по одеждѣ и въ особенности по шапкамъ; во 2-хъ, всѣ были одѣты необык-

новенно тепло, на всякомъ по шести и семи халатовъ, рубаха или нижній стеганный халатъ, стеганные наушники и портянки. Назадники дѣйствительно сидѣли на аргамакахъ, изъ нихъ также одинъ остался на полѣ битвы. Больныхъ у насъ — въ особенности въ укрѣпленіяхъ — много; всего до 600 челов. Изъ 1500 казаковъ, включая туда и артиллерию и дивизионъ 1 го полка, которые совсѣмъ не казаки, убыло больными и умершими около 60; а изъ 2750 чел. пѣхоты слишкомъ 600. Люди 1 го полка также очень болѣютъ и увеличиваютъ въ кавалеріи число больныхъ. Уральцевъ, кромѣ пяти, шести человѣкъ съ отмороженными перстами и съ ознобами, больныхъ нѣтъ. Доселѣ замерзъ у насъ одинъ только солдатъ, и то здѣсь, на Акбулакѣ, ушедши въ буранъ за дровами. Я удивляюсь еще, какъ народъ такъ хорошо переноситъ стужу эту и недостатокъ топлива; у насъ сегодня, 3 го Февр. опять — 29°, и уже около двухъ недѣль все 22 и 24. Дровъ нѣтъ. Сожгли лодки, сожгли канаты, которые горятъ превосходно; пѣхота словно не живая; вѣрите ли, что солдата нашего надобно не только одѣть и обути, но и завернуть, окутать и застегнуть; надобно научить его, какъ въ походѣ варить на камышѣ кашу, какъ ставить котелки въ одинъ рядъ и отгребать золу и прочее. Не смотря на все это, надобно сказать правду: даже и пѣхота наша повѣсила носъ, когда объявили приказъ о томъ, чтобы поворотить оглобли; казаки просились убѣдительно, чтобы ихъ пустить однихъ, и старикъ Бизиновъ даже самъ увлекся неумѣстнымъ пыломъ этимъ и хотѣлъ кончить походъ двумя полками Уральцевъ; только убѣдившись, что верблюды наши не донесутъ до Хивы продовольствіе даже и для двухъ полковъ и что вся остальная часть отряда была бы не въ состояніи дойти до Эмбы, еслибы отобрать всѣхъ лучшихъ верблюдовъ, онъ увидѣлъ несбыточность своихъ предположеній и вспомнилъ атамана Нечая и думнаго дьява его, котораго, какъ извѣстно, повѣ-

силы на Дьяковыхъ горахъ, противъ Рубежнаго, за то, что онъ не хотѣлъ идти на Хиву, а впоследствии отрядъ погибъ тамъ до послѣдняго человѣка, на обратномъ пути. Теперь тоже: дойти двумъ полкамъ можно — но назадъ какъ? Набѣгъ можно сдѣлать за три, четыре перехода отъ операціонной точки своей, но не за полторы тысячи. Чихачевъ у насъ одинъ изъ полезнѣйшихъ людей въ отрядѣ; онъ взялъ на себя самую тяжелую, въ военное время и самую неблагодарную часть: попечительство о больныхъ. Онъ возится съ ними день и ночь, не ѣстъ, не спитъ, и успѣлъ многихъ накормить, которые безъ него вѣроятно остались бы голодными, и обогрѣть такихъ, которые бы замерзли. Намъ жаловаться не на что; въ сравненіи съ рядовыми, мы знаемъ всѣ трудности похода своего только по наслышкѣ. Бай Мохамедъ, когда требовали чтобы онъ сказалъ положительно мнѣніе свое о верблюдахъ нашихъ, по прибытіи на Акъ Булакъ, отвѣчалъ: „надежнаго на весь путь верблюда я не видалъ ни одного.“ Къ этому онъ прибавилъ, что въ такую жестокую зиму, верблюдыдохнутъ сами по себѣ, на мѣстѣ, безъ работы, не только на походѣ и подѣ вьюкомъ. Мы покидаемъ на Акъ Булакѣ болѣе 1000 четвертей, частью и розданныя, кому было угодно, не въ зачетъ. Еслибы у насъ не было на Эмбѣ продовольствія, а въ Оренбургѣ помощи, то не знаю какъ бы мы дошли домой; кажется, не дошли бы вовсе. Я во всю жизнь свою, сколько помню, видѣлъ только разъ или два побочныя солнца, которыя всегда предвѣщаютъ жестокія стужи; нынѣ явленіе это было во всю зиму такъ обыкновенно, что подѣ конецъ не обращало на себя почти никакого вниманія. Нѣсколько разъ, при самомъ восходѣ солнца, являлось въ одну секунду три солнца на горизонтѣ.

14-го Февр. Въ Дебатахъ (*Journal des Debats*) и другихъ газетахъ, которыя до насъ доходятъ, пишутъ всякую всячину. Общаго только то, во всѣхъ разсужденіяхъ этихъ, что называютъ от-

рядишко нашъ *армію*, не вѣрятъ, чтобы онъ состоялъ только изъ 20-т. человекъ; говорятъ, что резервная армія идетъ еще сзади и что вся степь съѣла на коня, чтобы сдѣлать вмѣстѣ съ нами набѣгъ на среднюю Азію. Газетчики не догадываются вовсе, что у насъ всего на все, съ деньщиками, съ фурлейтами, не было полныхъ пяти тысячъ человекъ; что весь Оренбургскій корпусъ, хотя и называется корпусомъ, по составу своему отвѣчаетъ только одной слабой армейской дивизіи; что вся помощь, которую въ крайнемъ случаѣ, можно бы еще получить съ линіи въ пѣхотѣ, состоитъ, по *вѣрнѣйшимъ* расчетамъ, изъ ста человекъ, и то съ тѣмъ, чтобы замѣнить еще нѣсколько карауловъ Башкирами и прикомандировать часть пивалидовъ въ баталіоны...

Какъ различны обнаруживающіеся на разныхъ лицахъ впечатлѣнія, отъ неудачи настоящаго Хивинскаго похода! Намъ всѣхъ можно, въ этомъ отношеніи подвести подъ три главные разряда. Одни горюютъ, понимая всю важность неудачи при нынѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ: ударъ на Хиву въ самомъ дѣлѣ былъ бы теперь, когда Англичане заняли Кабуль, очень во время и у мѣста; намъ бы придало дѣло это много вѣсу, въ Азіи и въ Европѣ. Другіе—человѣка два, не болѣе,—соболзвываютъ, собственно по привязанности своей къ главному начальнику, о немъ; также о необыкновенныхъ условіяхъ края, о потерѣ людей, а нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что все предпріятіе это, считая и Башкировъ, возившихъ лѣтомъ продовольствіе, будетъ стоить почти 1000 человекъ. Третіи наконецъ, и этотъ разрядъ самый обильный, не могутъ скрыть негодованія своего на счетъ обманутой надежды своей—не надежды увидѣть Россію первенствующею въ Средней Азіи державою, какъ политическое положеніе и достоинство ея требуютъ; не надежды увидѣть смѣлый и славный ударъ благополучно исполненнымъ—а надежды на чинъ и крестъ. „Чортъ меня понесъ, зачѣмъ я пошелъ!“

эти восклицанія можете услышать частенько; потомъ разсужденія, что, не смотря на неудачу, труды и лишенія были у насъ все тѣже, что это де заслуживаетъ уваженія, и что вообще весьма несправедливо принято у насъ награждать за одну удачу, хотя бы трудовъ было не много, а оставлять безъ вниманія неудачныя предпріятія, хотя бы они были труднѣе кампаніи 12-го года.

20-го Февраля 1840. Сидимъ на Эмбѣ и надѣмся, со дня надень, увидѣть весну; между тѣмъ вчера и сегодня — 25°. Я сдѣлалъ сегодня расчетъ, взявъ среднее состояніе тепла во время экспедиціи Берха, и нынѣшней зимою. У Берха за 79 дней (16 Дек. по 4 Март.) среднее 15½-о; у насъ, за 94 дня, съ 19 Ноября по 20-е Февр. круглымъ числомъ приходится почти по 19° на день. Какъ у Берха, такъ и у насъ, бралъ я изъ ежедневныхъ наблюденій только одно, самое большее число. Слишкомъ три мѣсяца сряду, по 19° кругомъ на день!! Вчера начали мы праздновать масленицу: блины, по недостатку здѣсь сковороды, пеклись на жестянныхъ тарелочкахъ, собственно по моему изобрѣтенію и предложенію, и мы выслушали при этомъ всѣ подробности родословной тарелокъ этихъ и узнали, какъ это сказано было намъ утвердительно и подтвердительно, что тарелки англійской жести, настоящей англійской двойной. Почтенный сожитель нашъ Молоствовъ вчера отправился въ колонну: онъ идетъ на линію, вмѣстѣ съ прочими опущенниками. Чихачевъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, и отказался. Ему конечно все равно, гдѣ зимовать и лѣтовать. Путнику по званію съ чужбины домой ѣхать не за чѣмъ...

5—6 дней провели мы въ укрѣпленіи тепло и, можно сказать, пріятно. Много было шутокъ и смѣху; В. А. спокоенъ и иногда довольно веселъ... Не по моему вкусу только то, что мы ложимся не прежде часу, а спимъ по *исволу* долго послѣ обѣда. По неволѣ, говорю, чтобы не мѣшать другимъ; ляжешь, лежишь

часа два, три тихохонько и уснешь. Препратная жизнь эта непременно разстраиваетъ здоровье; сидѣть за полночь обращается въ привычку; человѣкъ уже не можетъ заснуть ранѣе, тревожное веселье, готовность сидѣть и любезничать ночью, является у насъ на счетъ утренняго здоровья, и мы встаемъ въ десятомъ часу съ тяжелой головой и тусклыми очами; человѣкъ дѣлается, послѣ ночнаго отдыха, смутнымъ, невеселымъ; и только къ ночи состояніе его дѣлается опять сноснымъ, чувства его въ своей тарелкѣ, и онъ здоровъ. Это состояніе обманчивое, лживое, разстроенное; человѣкъ здоровѣй душой и тѣломъ чувствуетъ себя утромъ, послѣ законнаго отдыха, въ естественномъ веселомъ расположеніи и въ силахъ. Ночное здоровье есть только слѣдствіе превратной жизни нашей и большинства духовной жизни, перевѣсу ея надъ тѣлесною. А этого быть не должно: одно равновѣсіе спасительно.

Вчера, до поздней ночи, шла рѣчь о плачевныхъ опытахъ нашихъ при неудачномъ предпріятіи и о томъ, кто, какъ, чѣмъ и на сколько отъ этого поумнѣлъ. Всѣ видѣли огромное затрудненіе пройти съ войскомъ 1500 верстъ по неприютному пространству и нести немѣрное количество продовольствія съ собою. Хотѣли избѣгнуть большей части неудобствъ, пустивъ войска впередъ, а продовольственные караваны отдѣльно. Изъ этого однакоже возникаетъ тоже самое затрудненіе, еще въ болѣеишей степени: для конвоя и для навьючки необходимо тогда отряжать новыя силы, а для нихъ также свое продовольствіе, свои обозы и караваны. Говорили также, что отрядъ должно пустить, для облегченія хода и добычки фуража, не одною, а двумя разлчными дорогами—на Сарайчикъ и на Сыръ. Кажется, при этомъ не разчитали, что тогда необходимо дѣлать два склада, одинъ вовсе отдѣльно отъ другаго, особыми средствами, и что это все это будетъ стоить двухъ экспедицій вмѣсто одной. Я думаю такъ: главнѣйшія затрудненія: 1. снабженіе от-

ряда продовольствіемъ и 2. разный маршъ, передвиженіе войска въ отдаленный край. Все остальное, какъ то: охраненіе каравана, побѣда надъ неприятелемъ, и прочее, все это обстоятельства второстепенныя, потому что представляютъ несравненно менѣе затрудненій. Основываясь на поминутыхъ двухъ главнѣйшихъ началахъ, должно ограничиться возможно меньшимъ количествомъ войскъ, а слѣдовательно ни подъ какимъ видомъ не увеличивать числа его, помнить, что каждый человѣкъ требуетъ, для шестинедѣльнаго продовольствія здороваго, сильнаго верблюда; и второе, устроить все такъ, чтобы не стоять по двѣ и по три недѣли на одномъ мѣстѣ, а идти ходко, спѣшно, до самаго мѣста; не строить дорогою колонны, которыя очень красивы въ чертежвой, на бумажкѣ, но неисполнимы на дѣлѣ, замедляютъ до неимоверности ходъ, изнуряютъ людей и верблюдовъ и не ведутъ ни къ чему; а наконецъ, коли найдутся способы доставить все необходимое въ Сарайчикъ, то принести и все войско туда; оно выиграетъ этимъ путемъ—предполагая, что пойдутъ зимою (а это необходимо, для воды) верстъ 200 или 300 степной дороги, хоть и пройдетъ столькоже лишней въ своемъ краю. Но 300 вер., выигранныя въ первомъ случаѣ, дороже 400 домашнихъ. Если же 3-т. человѣкъ здоровые придутъ въ ханство съ продовольствіемъ на шесть недѣль, то дѣло наше выиграно, и зная неприятеля и всѣ обстоятельства, нельзя опасаться неудачи. Возраженій можно сдѣлать много; отвѣчаю на все это, что нѣтъ войны безъ *авось*, и здѣсь оно также занимаетъ свое обычное мѣсто; но соображаясь со всѣми данными, ограничиваясь возможнымъ и истиннымъ, придерживаясь не *спрой* теорій, не зеленыхъ предположеній и умозрѣній, а опыту, надобно, при новомъ предпріятіи признать основными началами: 1, какъ можно меньше людей; 2, ускорить ходъ, идти во всѣ лопатки, покуда верблюды держатся, зная, что они отъ отдыха зимо не

поправляются, а худѣютъ; 3, уменьшить по возможности то пространство, которое должно пройти съ продовольствіемъ на плечахъ; 4, уменьшить (и это относится уже къ 1-му пункту) уменьшить или уничтожить вовсе сословіе г. г. бездѣльниковъ, т. е. всѣхъ, которые безъ вреда отряду могутъ быть оставлены, оставить дома, а лучше дать имъ крестъ за доброе сидѣнье на мѣстѣ. Кромѣ неудобствъ матеріальныхъ, происходящихъ отъ присутствія этой лишноты, есть еще вредъ нравственный, и онъ опаснѣе перваго. Еще важнѣйшее правило на будущее время, выведенное къ несчастію также изъ опыта: помнить день и ночь, что верблюдъ не деревянная кобылка, которой нѣтъ износу ни изводу, а тоже живое созданіе, хоть и скотина. Несчастный предразсудокъ, бѣдственное мнѣніе, что верблюду ничего не значить пробыть сутки или двое безъ пищи, надѣлалъ намъ много вреда. Верблюдъ индюшка, животное кволе, нѣжное, любить тепло, гибнетъ отъ стужи; онъ выручить изъ бѣды и пробудетъ три, четыре дня безъ пищи тамъ, гдѣ настоитъ дѣйствительная крайность, если его беречь и холить и кормить напередъ и удержать въ тѣлѣ до этой критической минуты... Очень знаю всѣ немовѣрныя трудности присмотрѣть надлежащимъ образомъ за такимъ огромнымъ количествомъ скота, и еще на походъ, гдѣ всякій по неволѣ заботится о себѣ, старается отогрѣться, наѣсться и отдохнуть; но тѣмъ менѣе можно пренебрегать этимъ, тѣмъ болѣе должно стараться за скотомъ смотрѣть хозяйскимъ, а не казеннымъ глазомъ. Къ несчастію намъ теперь, когда мы въ дѣйствительной крайности, нельзя уже беречь верблюдовъ, а остается почти только доканать ихъ въ конецъ. Перевозка продовольствія, доставка топлива, все это прогулка въ оба конца верстъ въ 40, 50, 60—двой сутки усиленнаго перехода, безъ всякаго корму, потому что его близъ укрѣпленія нѣтъ ни зерна, ни былинки, это свалить съ ногъ здороваго и заморить сытаго, а тощаго

уложить на дорожку и свернуть ему, на послѣдушкѣ, голову подъ крыло. Нынѣшній походъ сталъ казнь съ небольшимъ 1½ милліона; а если оцѣнить все что сдѣлано мѣстными средствами на деньги, то нельзя изворотиться 15 ю милліонами. Одни верблюды, которыхъ по доброй волѣ *нельзя* купить за деньги, одни верблюды по оцѣнкѣ стоятъ полтора милліона; а доставка продовольствія Башкирами, если бы произведена была наймомъ, должна стать шесть милліоновъ, но и тутъ опять нѣтъ сомнѣнія, что деньгами сдѣлать этого нельзя; нѣтъ возможности отправить изъ Оренбурга 12-т. наемныхъ телѣгъ, если ихъ не выписать изъ Русскихъ губерній, и тогда они обойдутся еще вдвое дороже: я клалъ по 500 р. на ящика. ...

IX.

21-го. Празднуемъ масляницу блинами, и блины ѣдимъ съ яйцами, съ лукомъ, съ масломъ, съ свѣжей икрой. Впродолженіе недѣли что стоимъ теперь на Эмбѣ, въ землянкѣ нашей ночь и день не слышать почти другаго слова, какъ расчеты четвертей, гарницевъ, пудовъ и фунтовъ. В. А. пересчитываетъ между тѣмъ, лежа подлѣ, Пугачева и Арабески, единственные книги, которые кто завезъ на Аты-Якши. У меня взято книгъ съ пятокъ, которые могутъ быть пересчитаны по нѣскольку разъ, напр. Шекспиръ, Фаустъ; но и чтеніе надѣдаетъ, недостаетъ терпѣнія: какое-то безотчетное безыкоиство отвлекаетъ мысли и иногда, схвативши ружье, съ особеннымъ удовольствіемъ бѣжишь пострѣлять черныхъ жаворонковъ и подорожниковъ, которыхъ вкругъ укрѣпленія множество. Расчеты эти вслухъ, впродолженіе цѣлаго дня, наводятъ въ тѣсной землянкѣ тоску. Въ десятый разъ рассчитали сейчасъ, что у насъ продовольствія станетъ мѣсяца на три—очень утѣшительно; хоть бы его не было вовсе. такъ поскорѣе бы ушли!

Кто-то замѣтилъ сегодня въ разговорѣ, что у многихъ казаковъ на лицѣ перемѣнилась третья и четвертая шу-

ра; В. А. на это замѣтилъ: „да, удивительно; всё мы, не смотря на безпримѣрные, жестокіе морозы, возвращаемся съ *носомъ*“.... Завтра ѣдемъ съ В. А. въ отрядъ, верстъ за 30, провожать отправляющійся во свояси дивизионъ; тамъ опять воротимся, и тогда уже предположено заняться по вечерамъ пятьюдесятью двумя разбойниками. Прибѣжище конечно жалкое, но дѣлать нечего; гарнизы, четверики и четверти хуже и несноснѣе картъ.... Расчетъ за 101 день нашего похода, даетъ равно 18° холоду на день. Морозы все продолжаютъ 26°, 18°, 16°, а между тѣмъ соки во всѣхъ кустарникахъ уже ударили изъ корней въ стволы и сучья; дрова наши такъ сыры, что почти не горятъ, одинъ только дымъ и парь; на дняхъ поймали тушканчика, который видно проснулся не по погодѣ, а по члсамъ, надѣялся встрѣтить въ концѣ Февраля весну. Леманъ нашелъ уже 3-хъ 4-хъ живыхъ жуковъ; словомъ, по всему весна, еслибы только не морозъ, не снѣгъ по колѣно, да не буранъ, который теперь ежедневно разыгрывается и бушуетъ съ ужасной силой. Я сегодня также сдѣлалъ расчетъ больныхъ и умершихъ; вотъ что выходитъ: пѣхоты выступило изъ Оренбурга: 2,928 челов., казаковъ Уральскихъ 1,204; дивизионъ 1-го полка 219 чел.; Башкировъ и Оренбург. казаковъ, по поламъ, 345 чел., конныхъ артиллер. (казаковъ) 141, гарниз. артилл. 112. Больныхъ было: 1,308; выздоров. 909; отправлено въ Оренб. и Защиту 56, умерло 139, состоитъ 304. Въ укрѣпленіи былъ кромѣ того свой гарнизонъ, были обозы Башкировъ и свои госпитали; въ Эмбенскомъ пѣхоты перемѣло 830 чел. (слѣдов. каждый обратилъ по нѣсколько разъ въ госпиталь), умерло 154; умерло еще разной команды, частью переданной изъ отряду — всего: состояло 1,450; выздоров. 750; умерло 247. Поэтому въ отрядъ изъ пѣхоты, болѣлъ второй человекъ, изъ дивизиона 1-го полка второй, изъ Башкировъ 10-й, изъ Уральскихъ казаконъ 52-й!! Объ Оренбургскихъ каза-

кахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго расчета, потому что они же были и въ укрѣпленіи, и свѣдѣнія перемѣшаны; но болѣлъ, видно, около 10-го. Умерло: въ пѣхотѣ 24 й изъ здоровыхъ, въ дивизиіи 24-й, въ Башкирахъ, всего 170 челов., умершихъ нѣтъ; у Уральцевъ умеръ двухсотый! Если къ этому еще пояснить, что 170 Башкировъ были выбраны молодые, здоровые ребята изъ лучшихъ кантоновъ, что даже пѣхота была пересортирована въ Оренбургъ и много слабыхъ и ненадежныхъ оставлено, а что Уральцевъ напротивъ выставили сюда поскребышей, безъ всякаго разбора, стараго и малаго, потому что у нихъ уже 3 полка ушли на службу, кромѣ команды въ Москвѣ, линейцевъ, и пр. пр.: то нельзя не удивиться этой необыкновенной породѣ, которая вырастаетъ среди тяжелыхъ трудовъ своего промысла и свыкается заранѣе съ тугой, съ голодомъ и холодомъ. Да, храбрѣйшая сторона нашего несчастнаго похода (или горемычнаго лучше сказать, потому что горе мыкали всѣ, а бѣды не видали) храбрѣйшая часть, это бодрый духъ и пѣсни Уральцевъ во всякое время, во всякую погоду въ 20 и въ 32 градуса, въ ведро и въ ненастье, въ буранъ, который заноситъ снѣгомъ горло и глотку. Посмотрѣли бѣ вы, какъ они проводили масляницу; было 16° и сильный буранъ; а у нихъ съ утра до ночи пѣсни и весь день, воскресенье, шла по лагерю такая гульба, будто дома, подъ качелями. Трое сѣли на одну лошадь, одинъ задомъ, одинъ передомъ, одинъ бовомъ, объѣхали съ пѣснями лагерь и прощались съ масляной, раскланиваясь всѣ во всѣ стороны. Потомъ явился медвѣдь въ поводатаремъ; тотъ плясалъ, а этотъ приговаривалъ и лупилъ его хворостиною по бокамъ, такъ что и медвѣдь обругался наконецъ вслухъ по Русски. Тамъ возили другъ друга въ саняхъ, съ пѣснями, и воображали, что катаются, наряжались, боролись, и раздѣвались для этого до рубахи. Передъ пьянымъ было у нихъ положено снимать шапку, и тверезый долженъ ему гово-

рить: ваше благородіе.... Ждемъ, не дождемся, будетъ ли итъ ли нынѣ весна? Жучьки оживаютъ, тушканчики просыпаются, овцы—по словамъ Кайсаковъ—дней черезъ 10 должны ягниться, а сегодня 18^о, снѣгъ лежать въ аршпнѣ, крѣпокъ, жестокъ, рѣки промерзли до дна, рыба во льду окаменѣла. Уральцы предсказываютъ, что зима будетъ стоять здѣсь до 25-го марта; у нихъ на это свои примѣты; пасха поздняя, февральское свѣтило (луна), свѣтитъ въ Мартѣ и пр; но обстоятельство заслуживающее вниманіе: они говорятъ, когда рога луны круты, непременно строгая и поздняя зима. Крутыми рогами называютъ они обращенные нѣсколько вверхъ; нынѣ было полное лунное затмѣніе, луна, если я не ошибаюсь, была въ узлѣ, и—кажется—рога ея именно тогда и должны быть обращены къверху, потому что она восходитъ по орбитѣ своей вверхъ. Можетъ быть, дѣйствительно при такомъ положеніи луны зима всегда строгая, надобно бы справиться за нѣсколько лѣтъ назадъ. Такимъ образомъ нерѣдко народное повѣрье основано на какомъ нибудь смыслѣ, хотя и кажется съ перваго взгляда суевѣріемъ, безсмыслицею. Если невѣжественная чернь неистовствуетъ бессмысленно какъ звѣрь, разъяренный всякимъ сопротивленіемъ и препною, если толпа, повторяя слѣпо и глухо восклицанія глашатаевъ, которые кричатъ для того только чтобы ихъ слышали, требуетъ безсмыслицы, то я не вѣрю поговоркѣ: гласъ народа, гласъ Божій; а держусь тогда другой: мужикъ уменъ, да мѣръ дуракъ. Тоже сказалъ, помнится, гдѣ-то Шиллеръ: *Einzelne ist jeder der Herrn leidlich geschickt und vernünftig; sind sie beisammen, gleich wird auch ein Dumkopf daraus!* Но я вѣрю преданіямъ, повѣрьямъ, обычаямъ, иногда и суевѣрьямъ; я вѣрю имъ столько, что не рѣшусь осмѣять ни одного, не изслѣдовавши его, не дошедши, по крайнему разумѣнію своему, до начала и корня, до смысла и значенія его. Не вѣрьте, если вамъ кто скажетъ, что въ народныхъ бредняхъ

нѣтъ смысла и значенія; по крайней мѣрѣ изъ ста повѣрьевъ найдется, на первый случай, не болѣе пяти, шести, въ которыхъ мы не въ состояніи добиться до смысла, да и тутъ еще спрашивается, гдѣ вина: искажено ли повѣрье временемъ и случаемъ, такъ что его нельзя узнать въ лицо, основано ли на утраченныхъ обычаяхъ и забытыхъ обстоятельствахъ, или просто мы слишкомъ удалены отъ понятій того слова, которое держится повѣрья. Всѣ другія заключаютъ въ себѣ толкъ, индифференциальный, или прямой; даже обычай не класть хлѣба на круглую корку, грѣшно, означаетъ, другими словами вѣроятно вотъ что: положи свѣжій хлѣбъ на круглую корку, то она отстанетъ, а потомъ плѣсень вскорѣ сядетъ и угнѣдится между мякншемъ и коркой. Объ этомъ предметѣ шелъ у насъ (В. А. NN и я) напередъ предлинный разговоръ и бесѣда. Съ отбытіемъ Молодцова, В. А. взялъ насъ обоихъ къ себѣ въ кибитку и какъ онъ поздно ложится, то есть время побесѣдовать вечеромъ, когда воображеніе разыгрывается и охотно беретъ верхъ надъ сухимъ и холоднымъ разсудкомъ. Мы рѣшили между прочимъ, что сонъ самая загадочная вещь въ природѣ чловѣка, а бдѣніе, бодрость души во время сна, непостижима; но все это вы знаете также, какъ и мы, и ждете вѣроятно отъ меня не метафизическихъ разсужденій съ береговъ пустынной Эмбы, а дѣла. Скажу жъ вамъ, что Бай-Мохаммедъ на дняхъ отправляется съ тремя сотнями Уральцевъ и горнымъ единорогомъ собирать верблюдовъ, потому что мы сидимъ на мели, подняться не чѣмъ, едва смогли перетаскать изъ укрупленія большую часть продовольствія въ отрядъ, и то большею частію на казачьихъ лошадяхъ, да переморилъ при этомъ послѣднихъ верблюдовъ, на разстояніи 30 верстъ. Уджрайцы и нѣкоторые другія племена къ счастью не дали верблюдовъ, когда былъ общій сборъ; теперь есть придирка, и ихъ одерутъ—если только захватятъ, какъ надѣмся, на зимовьяхъ. У насъ едва

осталось 700 годныхъ верблюдовъ, да и тѣ вѣроятно скоро откажутся, хотя и оставлены, по необходимости, при отрядѣ, для подвозки дровъ; остальные, все инвалиды на голо, отосланы на дальнія пастбища, въ надеждѣ, что нѣкоторые изъ нихъ поправятся къ веснѣ. Много верблюдовъ отморозили себѣ лапы; многихъ обули въ кенги и полусапожки, но врядъ ли это поможетъ: уже поздно. По прибытіи нашемъ въ Оренбургъ, вы увидите у Житкова въ альбомѣ, какими мы уродами здѣсь ходимъ... Расчетъ мой относительно смертности въ пѣхотѣ не вѣренъ; гарнизоны обоихъ укрѣпленій состояли въ числѣ 2930 человекъ пѣхоты, а всего умершихъ до 400, слѣдов, умеръ почти *седьмой* изъ здоровыхъ, въ 3 мѣсяца, а изъ Уральцевъ двухсотый....

1 Марта 1840. Градусовъ не много, 8; но сильный буранъ. Третьяго дня добрый, почтенный священникъ нашъ поѣхалъ, по зову, изъ отряда въ укрѣпленіе, вдвоемъ съ казакомъ. Ихъ также захватилъ на дорогѣ буранъ, они сбились съ пути и принуждены были ночевать въ чистомъ полѣ, между сугробами. Утромъ поѣхалъ онъ, бѣднякъ, и насилу здѣсь отогрѣлся. Верблюды наши послѣ послѣднихъ бурановъ отказались вовсе; ихъ я думаю всего на все не осталось одной тысячи; да и тѣ не походятъ на живыхъ. Для перевозки изъ укрѣпленія осталась одна надежда,—на казачьихъ лошадяхъ. В. А. говоритъ, что можно раздѣлить верблюдовъ нашихъ (вмѣсто того что дѣлили ихъ доселѣ на *годныхъ* и *негодныхъ*) на такихъ, которые окрѣпаютъ по собственному усмотрѣнію и на свободѣ, и такихъ, которые окрѣпаютъ на службѣ государству. Я думаю можно раздѣлить ихъ просто на дохлахъ и на издыхающихъ.

Х.

8 Марта 1840. На Эмбѣ.

Всѣ письма Оренбургскіи доказываютъ, что и тамъ даже не понимаютъ какъ должно настоящаго нашего поло-

женія. Что же послѣ этого можно ожидать отъ Петербурга? Хвалить насъ за то, что мы воротились, что благоразуміе взяло верхъ надъ славолубіемъ и другими страстишками. Я былъ свидѣтелемъ и знаю, чего стоила неудача эта тому, въ чью руку была положена и власть и отвѣтственность; но тутъ нельзя было не покориться необходимости. Выбору не было, противъ математической невозможности идти нельзя; а коли можно было сосчитать по пальцамъ, что даже и наличное число верблюдовъ не подыметъ необходимѣйшаго продовольствія для пути, не говоря уже о неминусимой убыли ихъ во время самаго похода, когда, поднявшись въ обратный путь на Эмбу бросили до 3000 четвертей и множество другихъ тяжестей—лодки, канаты, гвозди, кожи, соль, сало, кошмы и пр.: то дѣло было, кажется, довольно очевидно. Хвалить за рѣшимость, за самоотверженіе, значитъ въ этомъ случаѣ допускать еще какую нибудь возможность идти впередъ, а ея не было... Утромъ и вечеромъ не менѣе 13°—18°, а 4 Марта солнышко опять взошло самъ-третьей; вскорѣ изъ побочныхъ солнцевъ образовались радужныя дуги и стояли почти до полудня. Мы стоимъ въ оврагѣ, на берегу Темира, закрыты, по видному, отъ всѣхъ бурановъ; но океанный поддувала не щадитъ насъ и здѣсь: на дняхъ были сильныя, докучливыя бураны. Изъ укрѣпленія почти все перевезено, послѣднихъ верблюдовъ переморили, досталось и лошадямъ, а между тѣмъ перевозка эта была необходима. Бай-Мохамедъ ушелъ съ тремя сотнями за верблюдами, къ Уджрайцамъ; сошь шесть ожидаемъ отъ васъ, да коли Богъ милостивъ, то около тысячи останется живыхъ изъ нашихъ десяти тысячъ; тогда мы можемъ весною подняться и дней въ 20 дойдемъ до Оренбурга, или по крайней мѣрѣ до Илецкой. Дни тогда будутъ по длиннѣе и кормъ хорошій....

*

Этимъ оканчиваются письма. Весна не по нашему быстро наступила, верб-

люды прибыли, отрядъ снялся по частимъ, поднявъ лишь путевые харчи и покинувъ все лишнее невольнымъ хозяевамъ своимъ, Киргизамъ; вся степь ярко зеленѣла избыткомъ корма, лишь мѣстами бѣлѣлись песчанья прогалины. Вода стояла еще всюду въ ложбинахъ, попадалась и дичь, и рыба. Уцѣлѣвшіе радостно встрѣтились съ семьями и друзьями своими, а принесшіе въ себѣ неисцѣлимую немочь цыгги отправились помирать по больницамъ.....

В. Даль.

ПИСЬМА

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ТУРГЕНЕВА КЪ И. И. ДМИТРИЕВУ (*)

1.

23 Декабря (годъ неизвѣстенъ).

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Послѣдшаю препроводить къ вашему высокопревосходительству стихи, пѣтые въ здѣшней гимназій, и другіе того же автора,

(*) Письма эти обязательно сообщены намъ профессоромъ Московскаго университета Ф. М. Дмитриевымъ, но не въ подлинникахъ, а въ спискахъ. Они составляютъ продолженіе писемъ къ И. И. Дмитріеву отъ разныхъ лицъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1866 года, стр. 1616—1730. Письма Тургенева писаны изъ Петербурга, гдѣ А. И. Тургеневъ служилъ директоромъ въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ къ своему министру, царскому любимцу, кн. Александру Николаевичу Голицыну. По должности, по общественному положенію и литературнымъ связямъ, Тургеневъ находился у самыхъ источниковъ всякаго рода новостей. И. И. Дмитріевъ жилъ въ Москвѣ въ отставкѣ. Къ сожалѣнію на письмахъ не помѣченъ числа. Мы располагаемъ порядкомъ ихъ приблизительно, означая годы въ скобкахъ. За нѣкоторыя поясненія относительно этихъ писемъ мы одолжены кн. П. А. Вяземскому и С. Д. Полторацкому. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя мѣста остаются не объясненными. П. Б.

и пѣтые въ масонской ложѣ. Къ симъ послѣднимъ присовокуплю одну строфу для вашего токмо свѣдѣнія. Она неизвѣстна даже и масонамъ, а только нѣкоторымъ. Вчера проповѣдывалъ митрополитъ въ Невскомъ монастырѣ при стеченіи многочисленной публики. Если слово его, не сочиненное на бумагѣ, но свободно говоренное, будетъ напечатано, я не премину вамъ его доставить. Гр. Хвостовъ пріѣхалъ туда съ кучею стиховъ своихъ, и въ самую минуту, когда я съ умиленіемъ внималъ пѣнію Херувимской, онъ втеръ мнѣ въ руки перепечатанные стихи свои. Вѣроятно не я одинъ изъ предстоящихъ былъ жертвою его нахальной Музы.

24 Декабря.

Вчера прибылъ Государь въ Царское Село; обѣдалъ тамъ и ввечеру пріѣхалъ сюда къ чаю Великой Княгини. Завтра парадъ. Г. Кокошкинъ привезъ мнѣ отъ А. А. А. (1) двѣ послѣднія части Трудовъ Общества Любителей Рос. Сл. Всего любопытнѣе переписка. Неутомимый Гр. Х. вездѣ оставилъ памятникъ своего генія. Графъ по скромности (на стр. 23) упоминаетъ только о пользѣ, которую сочиненія его должны принести обществу, а о удовольствіи читателей и рецензентовъ ни слова.

2.

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Зная, что прокуроръ Евренновъ иногда бываетъ у вашего высокопревосходительства и пользуется вашимъ благорасположеніемъ, я обращаюсь къ вамъ, м. г., съ покорнѣйшею просьбою, которая состоитъ въ слѣдующемъ. По прошенію штатсъ-дамы княгини Волконской (2),

(1) Антона Антоновича Прокоповича Антоискаго.

(2) Александры Николаевны, супруги кн. Григорія Семеновича Волконскаго.